

Die Bauernfrage in Frankreich und Deutschland

09225

Соціалъдемократическая Рабочая Партія.

ВЪНЪ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Preis: 40 cent, — 35 pf., — 4 d., — 8 cts.

Фр. Энгельсъ.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ

ВО ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ.

Переводъ съ нѣмецкаго В. Первой.

Подъ редакціей и съ предисловіемъ Г. ПЛЕХАНОВА.

Издание Россійской Соціалъдемократической Рабочей Партіи.

ЖЕНЕВА

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27.

1904

Die Bauernfrage in Frankreich und Deutschland
Россійская Соціалъдемократическая Рабочая Партія.

ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Фр. Энгельсъ.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ

ВО ФРАНЦІИ И ГЕРМАНИИ.

Переводъ съ нѣмецкаго В. Перовой.
Подъ редакціей и съ предисловіемъ Г. ПЛЕХАНОВА.

Издание Россійской Соціалъдемократической Рабочей Партіи.

ЖЕНЕВА
Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27.
1904

Предисловіе.

Предлагаемая вниманию читателя работа Энгельса, какъ и всѣ произведенія этого автора, не нуждается ни въ какихъ рекомендаціяхъ. Но полезно будетъ сдѣлать по ея поводу нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

По нѣмецки она была напечатана въ № 10 „Neue Zeit“ за 1894 годъ. Со времени ея появленія въ разныхъ капиталистическихъ странахъ вышло довольно много оффціальныхъ и неоффициальныхъ изслѣдованій о положеніи крестьянства. Въ виду этого иной читатель можетъ, пожалуй, предположить, что она устарѣла. Но такое предположеніе было бы ошибочно. Новыя изслѣдованія, пролившія не мало новаго свѣта на аграрный вопросъ, въ общемъ вполне подтвердили взглядъ Энгельса на положеніе мелкаго крестьянина при господствѣ капитализма. Правда, вѣроятныя социальныя послѣдствія этого положенія представлялись нашему учителю, повидимому, несомнѣнно такими, какими они кажутся теперь намъ. Онъ съ увѣренностью говорилъ о томъ, что мелкая крестьянская собственность осуждена на *исчезновеніе*. Но факты, обрисованные новыми изслѣдованіями, показали, что подъ влияніемъ очень многихъ и очень сложныхъ причинъ, — а главнымъ образомъ подъ влияніемъ такъ называемаго *сельско-хозяйственнаго кризиса*, — процессъ *исчезновенія* мелкой крестьянской собственности мѣстами (напримѣръ, во Франціи) становится очень медленнымъ, а мѣстами (напримѣръ, въ Германіи) и совсѣмъ прекращается. Защитникамъ капитализма и поющимъ съ ихъ голоса „ревізιονистамъ“ это безспорное обстоятельство подало, какъ извѣстно, поводъ утверждать, что „марксова догма“ была опровергнута жизнью, по крайней мѣрѣ въ ея отношеніи къ земледѣлію. Мы не можемъ входить здѣсь въ подробный разборъ этого мнѣнія и потому отсылаемъ читателя къ сочиненіямъ: Каутскаго (die Agrarfrage, Stuttgart, 1899), Вандервельда (La propriété foncière en Belgique, Paris 1900; l'Exode rural, Paris 1903; Essais sur la question agraire en Belgique, Paris 1903), Саймонса (The american farmer, Chicago 1902); Кживицкаго (Kwestja Rolna, Warszawa 1903) и, наконецъ, къ нашей „Зарѣ“, гдѣ было напечатано нѣсколько критическихъ статей и библиографическихъ замѣтокъ, посвященныхъ новѣйшей литературѣ по аграрному вопросу. Мы скажемъ здѣсь лишь слѣдующее. Во-первыхъ, *замедленіе* и, — какъ частный случай *замедленія*, — *остановка* процесса исчезновенія мелкой крестьянской собственности есть слѣдствіе такихъ явленій общественно-экономической жизни, которыя сами какъ нельзя лучше и какъ нельзя больше подтверждаютъ справедливость Марксова ученія о развитіи капи-

талистического общества. Поэтому как нельзя более странно считать его доводом *против* этого учения. Шарь, наполненный водородом, поднимается вверх, а не падает на землю. Это — факт. Но что он означает? То ли, что на этого шарь не распространяется действие закона тяготения? Наоборот: только его действием и может быть объяснено движение шара. Вот то же и с мелкой крестьянской собственностью. Ея судьба тогда и станет попятной, когда мы примем во внимание *рост* капитализма, в свою очередь лучше всего объясняемый именно с помощью учения Маркса.

Значить, говоря вообще, защитникам капитализма и идущим у них на пристяжку „ревизионистам“ ликовать все-таки нечего: учение Маркса *вообще* остается ни мало не поколебленным. Но это еще не все. Даже и в том, что касается собственно аграрных отношений судьба мелкого крестьянского землевладения колеблется учение Маркса несравненно меньше, чем это деляют люди, во что бы то ни стало желающие объявить его поколебленным.

Эти люди приписывают автору „Капитала“ ту мысль, что в капиталистическом обществе *концентрация поземельной собственности неизбежна по самой природе процесса капиталистического развития*. Но Маркс нигде не высказывал такой мысли. В своем качестве одного из самых замечательных диалектиков XIX столетия он превосходно знал, что в общественно-экономии, как и повсюду, все зависит от обстоятельств времени и места. В 1850 году он, — в рецензии на книгу Э. де Жирардена: „Le Socialisme et l'impot“, — писал, что если во Франции уже началась концентрация мелкого землевладения, то в Англии *крупное землевладение широкими шагами идет к новому раздроблению*. Это мало похоже на вулгарное представление об относящейся к землевладению и земледелю „догм“ Маркса. Но к этому он, — как будто затѣм, чтобы не оставалось уже ровно никакого сомненья на счет его взгляда, — прибавлял, что *пока существуют буржуазные производственные отношения, земледелье должно постоянно переходить от концентрации к раздроблению и наоборот*. Мы очень просим читателей запомнить это.¹⁾ Если бы теперь в какойнибудь капиталистической странѣ в самом дѣлѣ начался переход от крупной поземельной собственности к мелкой, то и в этом случаѣ мы должны были бы сказать, что передъ нами происходит одно изъ тѣхъ явленій, *возможность которыхъ въ капиталистическомъ обществѣ была указана Марксомъ болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ*. Вотъ только и всего. А отсюда до колебанія его „догмы“, какъ до звѣзды небесной, далеко.

¹⁾ Запомнить это нужно. Тѣмъ болѣе нужно, что этого по большей части не знаютъ даже безпристрастные историки идей. Такъ, г. Мишель Ожэ-Лярибэ ничего не упоминаетъ объ этомъ въ своей интересной книгѣ: *Petite ou grande propriété? Histoire des doctrines en France sur la répartition du sol et la transformation industrielle de l'agriculture*, Montpellier 1902. А между тѣмъ въ ней цѣлая глава посвящена Марксу.

Такимъ образомъ, — и вопреки настоячивымъ увѣреніямъ догматиковъ буржуазнаго апологетизма и мелкобуржуазнаго „ревизионизма“, — вопросъ о томъ, происходитъ или не происходитъ въ данной странѣ концентрація землевладѣнія, есть для Маркса *вопросъ факта*, а вовсе не *вопросъ „догмы“*. На основаніи того, что происходило въ *современномъ ему* капиталистическомъ обществѣ, Марксъ рѣшалъ въслѣдствіи этого вопросъ въ *положительномъ* смыслѣ не только для Франціи, но и для Англіи.¹⁾ А *намъ*, на основаніи того, что совершается въ *наше время*, приходится говорить, — какъ мы и сдѣлали это выше, — о замедленіи или даже объ остановкѣ процесса концентраціи поземельной собственности. Не желая противорѣчить истинѣ, мы и не можемъ говорить иначе. Но читателю ясно теперь, что говоря такъ, мы ничуть не расходимся съ Марксомъ: *выводъ* получается у насъ нѣсколько другой, но *методъ* остается тотъ же, — и тотъ же *основной взглядъ* на развитіе капиталистическаго общества.

Необходимо помнить, кромѣ того, что факты указываютъ именно *только* на замедленіе или, въ крайнемъ случаѣ, *только* на остановку процесса концентраціи землевладѣнія. Такъ, даже въ Германіи, гдѣ мелкая крестьянская собственность обнаружила наибольшую живучесть и гдѣ разноцѣтные „критики Маркса“ особенно громко поютъ, вопіютъ, взываютъ и глаголятъ о крушеніи „догмы“, ими же самими приписанной Марксу, торжество мелкой крестьянской собственности и мелкаго земледѣлія оказывается весьма и весьма сомнительнымъ. Въ 1882 г. хозяйства, обнимающія отъ двухъ до пяти гектаровъ, — мелкія крестьянскія хозяйства въ собственномъ смыслѣ, — составляли 18,6% общаго числа хозяйствъ; а въ 1895 г. они составляютъ 18,28%. Въ 1882 г. хозяйства этого разряда занимали 9,54% общей земельной площади, а въ 1895 г. имъ принадлежало 9,57%. Въ 1882 г. на ихъ долю приходилось 10,01% сельско-хозяйственной площади, а 13 лѣтъ спустя — 10,11%. Итакъ, *число хозяйствъ* относительно *уменьшилось* на 0,32%, но за то общая площадь стала *больше* (опять — *относительно*) на 0,03%, а сельско-хозяйственная площадь *возросла* на 0,1%. Не ошибитесь, читатель: дѣло идетъ именно о десятыхъ и сотыхъ доляхъ процента. Изумительный „прогрессъ“, въ прахъ повергающій Маркса! И не забудьте, что этотъ по истинѣ лилипутскій „прогрессъ“ самъ въ значительной степени объясняется (напримѣръ, въ Остальбіи) *капиталистическими нуждами крупнаго хозяйства*, между тѣмъ какъ въ промышленно-развитыхъ частяхъ имперіи (напримѣръ, въ рейнской

¹⁾ См., напримѣръ, написанный имъ первый манифестъ международнаго товарищества рабочихъ, гдѣ указывается на то, что въ Англіи и Уэльсѣ, въ промежутокъ отъ 1851 до 1861 г., число землевладѣльцевъ понизилось съ 16.934 до 15.066, „такъ что концентрація землевладѣнія за десять лѣтъ возросла на одиннадцать процентовъ“. Марксъ замѣтилъ, что *если* сосредоточеніе землевладѣнія въ немногихъ рукахъ будетъ увеличиваться такъ же быстро, то рѣшеніе поземельнаго вопроса будетъ очень упрощено. Какъ видимъ, онъ выражается осторожно и не даетъ нѣизбѣжныхъ схемъ.

и саксонской провинціяхъ Пруссіи) замѣчается даже *ретрессъ мелкаго крестьянскаго хозяйства*, сопровождаемый *ростомъ среднихъ и крупныхъ крестьянскихъ хозяйствъ*¹⁾. Уже одинъ этотъ фактъ долженъ былъ бы вызвать у гг. „критиковъ“ опасенія на счетъ дальнейшей судьбы „прогрессирующаго“ мелкаго хозяйства. Въѣды промышленно-развитыя страны и округа очень часто указываютъ путь, предстоящій менѣе развитымъ странамъ. Но что прикажете? Гг. „критики“ ослѣплены своей „догмой“, и съ ними ровненько ничего не подѣлаешь.

Франція считается классической страной мелкаго землевладѣнія. Правда, безъ весьма существенныхъ оговорокъ называть ее такой страной одни только наивные люди, люди же „себѣ на умъ“ знаютъ, что въ дѣйствительности мелкое землевладѣніе играетъ въ ней довольно жалкую роль. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерно признаніе г. Эйнара въ заведеніи палаты депутатовъ 21 мая 1891 г. „Существуетъ предразсудокъ, — сказалъ онъ, — который я не намѣренъ разбивать, потому что онъ никому не вредитъ и даже приноситъ пользу. Онъ состоитъ въ томъ, что Франція — страна землевладѣльцевъ“. Эйнаръ готовъ былъ признать правильность этого опредѣленія, но онъ утверждалъ, что *мелкимъ землевладѣльцамъ въ этой счастливой странѣ принадлежитъ только четвертая часть земель, между тѣмъ какъ остальные три четверти сосредоточены въ рукахъ среднихъ и крупныхъ собственниковъ*. И онъ былъ правъ. По даннымъ 1882 г. очень мелкие собственники, — участки которыхъ не превышали одного гектара, — составляли во Франціи 38,2% всего числа землевладѣльцевъ; но имъ принадлежало не болѣе 2,2% земельной площади. Мелкіе собственники, — отъ одного до десяти гектаровъ, — по числу составляли 46,5%, а имѣли только 22,9% всѣхъ земель. Среднее землевладѣніе доходило до 12,8% числа собственниковъ и 29,9% площади. Наконецъ, крупная поземельная собственность, число обладателей которой не превышало 2,5% числа собственниковъ, составляла 45% всѣхъ земель „страны землевладѣльцевъ“. Это, какъ видимъ, уже довольно почтенная *концентрація*. Говорить, что съ 1882 г. положеніе дѣлъ измѣнилось къ лучшему, такъ какъ мелкая собственность будто бы выиграла и по отношенію къ числу, и по отношенію къ площади. Но это просто-напросто не *верно*. Въ періодъ 1882-1892 гг. число мелкихъ собственниковъ *уменьшилось* на 17.472 (было — 2.635.030, *оставалось* — 2.617.558), а площадь принадлежащихъ имъ земель *сократилась* на 121.520 гектаровъ. Въ виду огромнаго числа мелкихъ собственниковъ во Франціи такое уменьшеніе надо признать *незначительнымъ*; но при всей своей незначительности оно все таки есть уменьшеніе, а совѣтъ *не увеличеніе*. Въ указанный промежутокъ времени увеличеніе замѣчалось въ разрядахъ *крупнаго* землевладѣнія съ одной стороны и *очень мелкаго* съ другой. Число очень мелкихъ собственниковъ поднялось съ 2.167.667 до 2.235.405,

а пространство принадлежащей имъ земли съ 1.083.833 до 1.327.253 гектаровъ. Но что это за „землевладѣльцы“? Если уже мелкій собственникъ, имѣющій *въ среднемъ* менѣе пяти гектаровъ, часто лишенъ возможности существовать обработкой собственного участка и вынужденъ продавать свою *рабочую силу* тому или другому *предпринимателю*, то *очень мелкій*¹⁾ собственникъ, на долю котораго достается въ среднемъ менѣе *полуектара*, получаетъ отъ своей земли лишь совѣтъ малую часть дохода, а остальную, наибольшую часть *долженъ добывать работою по найму*, если только у него нѣтъ, — а это бываетъ крайне рѣдко, — какихъ нибудь побочныхъ и болѣе богатыхъ источниковъ дохода. Замѣтимъ еще, что такъ какъ число подобныхъ „землевладѣльцевъ“ простирается во Франціи до необыкновенно внушительной цифры 2.235.405, то ихъ — вопреки очень полезному... для буржуазіи предразсудку о томъ, что Франція есть страна землевладѣльцевъ, — приходится признать *почти-пролетарскими*, интересы которыхъ въ сущности совпадаютъ съ интересами *полныхъ пролетаріевъ*, занятыхъ въ промышленности и въ сельскомъ хозяйствѣ. Пролетарская программа, отстаивающая интересы *наемнаго труда* и стремящаяся къ замѣнѣ *капиталистическихъ* отношеній производства *соціалистическими*, имѣетъ для нихъ несравненно болѣе значенія, чѣмъ *мелко буржуазная* программа, усилившаяся съ помощью тѣхъ или иныхъ заплатъ, оградить интересы *мелкой собственности*. Но какъ бы тамъ ни было, а неоспоримо то, что ростъ числа этихъ будто-бы землевладѣльцевъ не имѣетъ ничего общаго съ ростомъ землевладѣнія *крестьянскаго* въ настоящемъ смыслѣ этого слова. А если къ этому прибавить, что съ 1882 по 1892 г. *крупная* собственность увеличилась на 197.300 гектаровъ, то сдѣлается совершенно ясно, что данныя французской статистики плохо способствуютъ испроверженію „марксовой догмы“.

Во всѣхъ странахъ капиталистической Европы сельско хозяйственный кризисъ, вызванный ростомъ международнаго капитала, привелъ къ пониженію *доходности* и, — какъ это само собою разумѣется, — *цѣнности земель*. Вслѣдствіе этого капиталистамъ, — за немногими исключеніями, — нѣтъ выгоды *вырывать* землю изъ рукъ крестьянина и приниматься за ее непосредственную эксплуатацію. Капиталь, — опять таки, за нѣкоторыми исключеніями, — лучше обдѣлываетъ свои дѣла, оставляя ее въ рукахъ мелкаго производителя, но за то выжимая этого послѣдняго, какъ губку. Отсюда происходятъ одно изъ двухъ. Или, — какъ мы сказали выше, — замедляется процессъ экспропріаціи крестьянина, или крестьянинъ лишается своихъ правъ *собственности* на землю въ пользу капиталиста, но за то продолжаетъ обрабатывать ее въ качествѣ *арендатора*. Этотъ послѣдній случай мы видимъ въ Бельгіи и, какъ кажется, въ Голландіи, гдѣ число мелкихъ арендаторовъ чрезвычайно сильно

¹⁾ Приведенныя данныя о Германіи заимствованы изъ оффиціальнаго изданія: Die Landwirtschaft im Deutschen Reich. Statistik des Deutschen Reichs, Neue Folge, Band 112.

¹⁾ Разряды: очень мелкій, мелкій, средній и крупный собственникъ установлены оффиціальной французской статистикой, изъ которой и заимствованы приведенныя нами данныя о движеніи поземельной собственности во Франціи въ 1882-1892 гг.

растеть по отношению къ числу крестьянъ, обрабатывающихъ свои собственные участки¹⁾. Мы можемъ, слѣдовательно, сказать, что, задерживая процессъ исчезновенія мелкаго производителя, сельско-хозяйственный кризисъ въ то же время увеличиваетъ *косвенную* зависимость этого производителя отъ капитала. Достаточно небольшого размышленія для пониманія того, что ростъ *косвенной* зависимости производителей отъ капитала не имѣетъ того общественно-революціоннаго значенія, какое свойственно увеличенію *прямой* ихъ зависимости отъ него въ процессѣ производства. Стало быть, сельско-хозяйственный кризисъ *замедляетъ* процессъ революціонизированія производственныхъ отношений въ земледѣліи. Впрочемъ, мы выражаемся не совсѣмъ точно. Надо говорить такъ: сельско-хозяйственный кризисъ *до сихъ поръ замедлялъ этотъ процессъ*. А какъ будетъ дальше, это еще неизвѣстно, и есть нѣкоторые основанія думать, что современемъ онъ *не станетъ замедлять и начнетъ ускорять его*. Думать такъ намъ даетъ поводъ та же *Бельгія*, гдѣ не только происходитъ относительное увеличеніе числа арендаторовъ, но съ 1880 г. замѣчается также уменьшеніе числа *мелкихъ* хозяйствъ (до пяти гектаровъ) и увеличеніе болѣе крупныхъ (свыше десяти гектаровъ). „Съ 1880 г. произошло противоположное тому, которое происходило отъ 1866 г. до 1880, когда число мелкихъ хозяйствъ значительно увеличилось, между тѣмъ, какъ число крупныхъ значительно уменьшилось. Въ настоящее время мелкая поземельная собственность исчезаетъ передъ крупной“²⁾. Что, если и въ другихъ странахъ европейскаго материка начнется подобное же движеніе? Тогда вѣдь пропадетъ даже и тѣнь возможности оспаривать „марксову догму“.

Но это всетаки дѣло будущаго. А теперь мы замѣтимъ, что, хотя косвенная зависимость производителей отъ капитала далеко не такъ революціонизируетъ ихъ головы, какъ прямая, но отъ этого ихъ *экономическое* положеніе не дѣлается легче. Даже и оставляя землю въ рукахъ крестьянина — собственника или арендатора — капиталъ, изъ приносимаго ею дохода, беретъ себѣ доли, соответствующія *рентѣ* и *прибыли*, оставляя производителю, своимъ трудомъ создающему этотъ доходъ, не болѣе, а иногда даже и менѣе того, что соответствуетъ *заработной платѣ*. Поэтому и „самостоятельный“ мелкій крестьянинъ очень часто является такимъ же по существу, но только гораздо *менѣе сознательнымъ* невольникомъ капитала, какъ и фабричный рабочій³⁾. Гг. „кри-

тики Маркса“ обнаруживаютъ огромную наивность или неслыханный цинизмъ, когда умиляются устойчивостью мелкихъ хозяйствъ. Устойчивость эта покупается страшно дорогою цѣною. На этотъ счетъ англійская коммиссія, занимавшаяся изученіемъ причинъ сельскохозяйственнаго кризиса, занесла въ свои доклады много очень поучительныхъ свѣдѣтельствъ. Въ Англии, въ періодъ 1885-1895, нѣсколько *уменьшились*, по числу и по занимаемой ими площади, крупныя фермы, (занимающія болѣе 300 акровъ, т. е. 120 гектаровъ) и мелкія (до 20 акровъ, т. е. 8 гектаровъ), среднія же фермы, по размѣрамъ своимъ заключающіяся между указанными предѣлами, нѣсколько *увеличились* и по числу и по площади. Въ низшемъ разрядѣ этихъ среднихъ фермъ встрѣчается, впрочемъ, не мало такихъ, которыя *не прибываютъ къ наемному труду, обходясь собственными силами фермерскихъ семействъ*. Хозяйства такого рода — идеалъ консерваторовъ и ревизионистовъ. Каково же живется обладателямъ такихъ семействъ? Нѣкоторые свѣдѣтели, выслушанные сельско-хозяйственной коммиссіей, говорили, что они меньше всѣхъ остальныхъ пострадали отъ кризиса, но изъ показаній другихъ свѣдѣтелей видно, что это не совсѣмъ вѣрно. Такъ, мистеръ Раулэндсонъ замѣтилъ, что „на первый взглядъ болѣе мелкіе фермеры, имѣющіе свои собственные фермы и обрабатывающіе ихъ безъ наемныхъ рабочихъ, пострадали менѣе другихъ; но если вы глубже взглянете въ дѣло, то вы найдете, что ихъ сыновья не получаютъ заработной платы, довольствуясь одеждой и небольшими карманными деньгами, и я не думаю, что многіе изъ нихъ находятся въ такомъ же хорошемъ положеніи, какъ годовые рабочіе“¹⁾. П. Е. Ридъ сказалъ, что единственный способъ, посредствомъ котораго мелкіе фермеры удерживаются на своихъ позиціяхъ, состоитъ въ томъ, чтобы работать за двоихъ рабочихъ, а тратить на себя не больше, чѣмъ тратить одинъ²⁾. По его словамъ, дѣти такихъ фермеровъ хуже воспитаны и трудятся болѣе, чѣмъ дѣти наемныхъ рабочихъ³⁾. М. Фоксъ находилъ, что въ нѣкоторыхъ округахъ отъ кризиса „пострадала“ не земля (sic), а сыновья и дочери фермеровъ, отдающие дѣлу обработки лучшія свои силы, но не получающіе никакого вознагражденія въ настоящемъ и имѣющіе лишь слабую надежду на него въ будущемъ⁴⁾. М. Фоксъ очень осмотрительно прибавилъ: „Будущее покажетъ, долго ли они при такихъ условіяхъ сохранять желаніе оставаться у своихъ родителей“⁵⁾. М. Гошъ, говорившій о положеніи крупныхъ и мелкихъ фермеровъ

валъ на это еще въ началѣ пятидесятихъ годовъ! „Крестьянская парцелла стала лишь предлогомъ, позволяющимъ капиталисту извлекать изъ земли прибыль, проценты и ренту, не заботясь о томъ, останется ли на долю земледѣльца хотя бы одна заработная плата“ (Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта, переводъ Б. Кричевскаго, стр. 113).

¹⁾ Royal Commission on Agriculture. Final Report, London 1897, p. 34.

²⁾ Тамъ же, та же страница.

³⁾ Тамъ же, стр. 35.

¹⁾ Въ 1880 г. въ Бельгіи 65,1% обрабатываемой площади обрабатывалась арендаторами; въ 1895 г. въ рукахъ арендаторовъ было уже 68,9% той же площади. (См. Em. Vandervelde. La propriété foncière en Belgique, p. 274). Въ Голландіи въ 1885 г. собственники обрабатывали только 59,53% всей земли, приходящейся на хозяйства, обнимающія болѣе одного гектара (для болѣе мелкихъ хозяйствъ данныхъ нѣтъ); въ 1895 — только 57,41% (См. четвертый отдѣлъ уже цитированнаго выше 112 тома статистики Германской имперіи, стр. 61).

²⁾ Annuaire statistique de la Belgique, tome XXX, p. XL.

³⁾ Относительно французскаго крестьянина Марксъ указы-

въ Роксбургѣ и въ девяти другихъ шотландскихъ графствахъ, показали, что мелкіе фермеры обыкновенно платятъ за каждый акръ занимаемой ими земли больше, чѣмъ крупные, и что, по собственнымъ словамъ этихъ фермеровъ, при такой высокой рентѣ они не могли бы сводить концы съ концами, если бы обязаны были оплачивать по рыночной цѣнѣ трудъ своихъ семействъ. Многіе фермеры этой мѣстности утверждали, „что ни сами они, ни ихъ семейства совсѣмъ не имѣютъ какого-нибудь опредѣленного времени для работы, а работаютъ отъ разсвѣта до ночи, и что даже поступая такъ, они лишь съ величайшимъ трудомъ сводятъ концы съ концами“¹⁾. М. Беллъ заявилъ, что по его мнѣнію, матеріальное положеніе мелкихъ фермеровъ хуже, чѣмъ положеніе рабочихъ, а м. Мак-Киннелъ „выразилъ сомнѣніе въ томъ, чтобы имъ жилось лучше, чѣмъ обыкновеннымъ пахарямъ“²⁾. Словомъ, мы едва ли преувеличимъ, если сравнимъ этихъ независимыхъ хозяевъ съ пролетаріями, испытывающими на себѣ прелести „потогонной системы“ (Sweating system). Недаромъ нѣкоторые свѣдущіе люди называютъ мелкое фермерство британскимъ рабствомъ (british slavery)³⁾. Теперь и рѣшайте, правъ ли былъ Энгельсъ, говоря, что при нынѣшнемъ положеніи всемірнаго хозяйства упрочивать положеніе мелкихъ производителей значитъ укрѣплять ту цѣпь, на которой они сидятъ. Намъ возражать, пожалуй, что положеніе мелкаго англійскаго фермера именно тѣмъ и худо, что они работаютъ не на собственной землѣ, и потому обязаны платить ренту. Но, во-первыхъ, въ нѣкоторыхъ изъ вышеприведенныхъ случаевъ рѣчь шла именно о собственныхъ фермахъ, а во-вторыхъ, въ томъ-то и дѣло, что крестьянинъ-„собственникъ“ европейскаго материка рѣдко свободенъ отъ платежа ренты, которая только носитъ иное имя, называясь *процентами на денежный капиталъ*, занятый имъ у частнаго лица или въ гипотечномъ банкѣ. Энгельсъ указывалъ на тяжелую зависимость этого крестьянина отъ *ростовщика*. Справедливость этого указанія вполне подтверждается новыми изслѣдованіями. Для примѣра укажемъ хоть на книгу Блонделя, который пишетъ: „Надо положить въ нѣмецкихъ деревняхъ, чтобы составить себѣ понятие о тираніи ростовщиковъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ; нужно видѣть ростовщика на дѣлѣ, чтобы понять, до какой степени вѣрно, что крестьянинъ сталъ его вещью. Его вполне позволительно сравнить съ паукомъ, притаившимся въ углу своей паутины и бросающимся на муху, сдѣлавшую неосторожное движеніе! Средневѣковое крѣпостничество не было хуже гнусной зависимости, подъ игомъ которой стонетъ задѣлвавшій крестьянинъ. Постоянно тяготящая надъ нимъ угроза разбиваетъ всю его энергію“⁴⁾. Конечно, развитіе кредита подрываетъ тиранію ростовщика. Но оди́нъ французскій экономистъ давно уже и справедливо

¹⁾ Тамъ же, та же страница.

²⁾ Тамъ же, стр. 36.

³⁾ Тамъ же, та же страница.

⁴⁾ Etudes sur les populations agraires de l'Allemagne et la crise agricole, Paris 1897, pp. 395-396.

замѣтить, что кредитъ совсѣмъ не спасаетъ. а, напротивъ, усиливаетъ поземельную собственность, и это особенно справедливо именно теперь, когда сельскохозяйственный кризисъ такъ сильно даетъ себѣ чувствовать землевладѣльцамъ. Достаточно вспомнить о ростѣ гипотечныхъ долговъ.

Было время, когда долги эти довольно легко переносились поземельной собственностью западной Европы. То было тогда, когда росли цѣны на сельскохозяйственные произведенія и когда вызванное этимъ увеличеніе доходности земель вело къ улучшенію хозяйства. Такъ продолжалось съ тридцатыхъ до конца семидесятыхъ годовъ, когда началось паденіе хлѣбныхъ цѣнъ. Чѣмъ ниже падали цѣны, тѣмъ болѣе понижалась доходность земель и тѣмъ большую *долю дохода* составляли подлежащіе уплатѣ проценты по гипотечному займу. Вслѣдствіе этого положеніе землевладѣльцевъ дѣлалось все болѣе и болѣе затруднительнымъ, а затруднительность ихъ положенія побуждала ихъ къ новымъ займамъ. И вотъ мы видимъ, что гипотечные долги безпрерывно возрастаютъ. Въ Пруссіи втеченіе *семи лѣтъ* (1886/87 — 1892/93) гипотечный долгъ увеличился на 1093,05 милліоновъ марокъ.¹⁾ И замѣчательно, что по крайней мѣрѣ въ Германіи въ послѣднее время особенно быстро растутъ именно задолженность мелкаго землевладѣнія. Нѣкоторые объясняютъ это тѣмъ, что крупное землевладѣніе уже раньше дошло почти до послѣдняго предѣла задолженности, такъ что ему очень трудно теперь двигаться дальше въ этомъ направленіи; но если бы это было и такъ, то судьба все болѣе и болѣе обременяемой теперь долгомъ мелкой поземельной собственности отъ этого не стала бы болѣе обезпеченной. Неоспоримымъ остается тотъ фактъ, что въ нынѣшнемъ обществѣ земледѣліе попадаетъ все въ большую и большую зависимость отъ промышленности, а мелкій сельскій хозяинъ отъ капитала. И именно поэтому и въ той же мѣрѣ остается неоспоримой та мысль Энгельса, что только антисемиты и имъ подобные шарлатаны могутъ выставить программу, усиливающую золотыя горы мелкому крестьянину, *какъ таковому*. Пока существуетъ капиталистическое общество, не будетъ такой силы, которая смогла бы избавить мелкаго производителя отъ бѣды, неизбежно вызываемыхъ развитіемъ этого же общества. Поэтому социалъдемократы, не желающіе покупать избирательныя успѣхи цѣною обмана избирателей, должны прямо поставить мелкому крестьянству на видъ, что избавленіе принесетъ ему только *революція пролетаріата*, которая положитъ конецъ господству капиталистическихъ производственныхъ отношеній. Крестьянинъ, усвоившій себѣ это убѣжденіе, всегда будетъ желаннымъ товарищемъ рабочаго. Но, усваивая себѣ это убѣжденіе, крестьянинъ *покидаетъ точку зрѣнія своего собственнаго класса и становится на точку зрѣнія пролетаріата*.

Защитники существующаго порядка вещей долго питали себя надеждой, что мелкій крестьянинъ совершенно неспособенъ про-

¹⁾ См. статью фонъ-деръ Гольца „Hypothekenschulden“ въ первомъ томѣ „Wörterbuch der Volkswirtschaft“, стр. 1076-77 и его же Vorlesungen über Agrarwesen und Agrarpolitik, Jena, 1899, S. 44.

никнуться этимъ убѣжденіемъ. Дѣйствительность показываетъ, однако, что эта оградная надежда была не вполне основательна. Нѣмецкая социалдемократія не имѣетъ, какъ это всѣмъ извѣстно, особой программы „для крестьянъ“; тѣмъ не менѣе она начинаетъ привлекать къ себѣ вниманіе и сочувствіе земледѣльческаго населенія, что ясно и хорошо обнаруживается статистической прошлагоднихъ выборовъ въ рейхстагъ.¹⁾ Ея пріобрѣтенія здѣсь пока еще сравнительно не велики, но, — какъ говоритъ Энгельсъ въ предлагаемой брошюрѣ, — социалдемократія, по самой сущности дѣла нельзя было ожидать здѣсь быстрыхъ успѣховъ. То, что удалось завоевать ей въ чисто земледѣльческихъ округахъ, важно больше какъ симптомъ, ясно показывающій, что и нѣмецкая деревня не застрахована отъ социализма.

Энгельсъ говоритъ также, что самымъ надежнымъ союзникомъ промышленнаго рабочаго является *сельскій пролетарій*. Еще недавно въ справедливости этой мысли сомнѣвались довольно многие социалдемократы (особенно въ Бельгіи). Сельскій пролетарій, едва ли не наиболѣе угнетаемый изъ всѣхъ пролетаріевъ и живущій въ условіяхъ наименѣе благоприятныхъ для умственнаго развитія, казался такимъ приниженымъ, такимъ забытымъ и покорнымъ, что мысль о привлеченіи его подлѣ социалистическое знамя представлялась несбыточной. Но капиталистическія отношенія и здѣсь, — хотя, конечно, медленно, чѣмъ въ промышленныхъ округахъ, — начинаютъ обнаруживать свою революціонную силу. Въ Италіи, въ Венгріи и во Франціи сельскій пролетарій и почти-пролетарій — т. е. мелкій крестьянинъ, *живущій преимущественно продажей своей рабочей силы*, — оказывается гораздо болѣе восприимчивымъ къ социалистической пропагандѣ, чѣмъ крестьянинъ, получающій средства къ существованію преимущественно отъ обработки своего участка. О пролетарскомъ характерѣ „крестьянскаго“ движенія въ Венгріи и Италіи мы уже говорили въ статьяхъ: „Пролетариатъ и крестьянство“, напечатанныхъ въ фельетонахъ „Искры“ за 1903 годъ. Теперь мы отмѣтимъ то, что происходитъ у виноградарей нижняго Лангедока. Въ послѣднее время землевладѣніе сосредоточивается тамъ въ рукахъ крупныхъ предпринимателей, а нѣкогда самостоятельные мелкие собственники все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе становятся въ положеніе наемныхъ рабочихъ.²⁾ Сообразно съ этимъ тамъ возникаютъ организаціи для защиты интересовъ наемнаго труда и социалистическія идеи, — хотя, къ сожалѣнію, главнымъ образомъ въ одностороннемъ видѣ революціоннаго синдикализма, — быстро проникаютъ въ деревню. Движеніе лангедокскихъ виноградарей возникло подлѣ сильнѣйшимъ вліяніемъ городскихъ рабочихъ. Но это вліяніе стало замѣтнымъ и привело къ серьезнымъ практическимъ по-

¹⁾ См. интересную статью Akademikus'a: „Statistische Nachrichten zu den Reichstagswahlen“. „Neue Zeit“ отъ 19 декабря 1903, Ss. 368-369.

²⁾ См. интересную работу Оже-Ляриба: Les ouvriers de la viticulture languedocienne et leurs syndicats, Mémoires et Documents du Musée Social, novembre 1903.

слѣдствіямъ только съ тѣхъ поръ, когда въ тамошней деревнѣ возникли капиталистическія отношенія производствъ.¹⁾

Подобно виноградарямъ нижняго Лангедока, дровосѣки центральныхъ департаментовъ Франціи тоже объединяются въ синдикаты и тоже усваиваютъ социалистическія идеи. Но и они вербуются главнымъ образомъ изъ сельскихъ пролетаріевъ и почти пролетаріевъ.²⁾ Продавцы рабочей силы и здѣсь оказались болѣе восприимчивыми къ социализму, чѣмъ мелкіе собственники.³⁾

Странно, поэтому, что до сихъ поръ въ социалистическомъ мірѣ Западной Европы не совсѣмъ исчезло то мнѣніе, что въ деревнѣ мелкій собственникъ скорѣе откликнется на призывъ рабочей партіи, чѣмъ пролетарій. Такое мнѣніе, очевидно, под-

1) Замѣтимъ, что, по словамъ Оже-Ляриба, мелкій собственникъ, имѣющій менѣе двухъ гектаровъ, можетъ сводить концы съ концами только путемъ постоянной продажи своей рабочей силы. Его „собственность“ служить для него источникомъ кабалы. „Въ настоящее время у кого есть клочекъ виноградника, тотъ имѣетъ и долги. Мелкая собственность поденщиковъ ведетъ лишь къ тому, что лишаетъ ихъ независимости, потому что часто они должны тому самому землевладѣльцу, который ихъ нанимаетъ“. Но дѣло тутъ, какъ видно, не только въ долгахъ. „Землевладѣльцы, раскрывшіе передъ нами это достойное жалости положеніе, спрашиваютъ, не лучше было бы, если бы рабочій не имѣлъ никакой собственности, потому что во время кризиса онъ страдаетъ не меньше своихъ богатыхъ сосѣдей и лишена возможность отлучиться для исканія работы въ другомъ мѣстѣ (Les ouvriers de la viticulture etc. въ Memoires et Documents du musée social, 1903, № 9, p. 293).

Avis для глубокомысленныхъ экономистовъ вродѣ цюрихскаго профессора Юл. Платтера, который въ своихъ Grundlehren der Nationalökonomik (Berlin 1903, стр. 394-395), насмѣхается надъ Энгельсомъ, утверждавшимъ, что обладаніе собственнымъ домомъ можетъ ослабить позицію пролетарія въ его борьбѣ съ нанимателемъ за рабочую плату. Въдѣ собственный домикъ часто именно привязываетъ рабочаго къ данному мѣсту.

²⁾ См. книгу Л. Г. Роблена „Les bûcherons du Cher et la Nièvre, leurs syndicats“. Paris, 1903. Русскому читателю мы тѣмъ настоятельнѣе рекомендуемъ эту книгу, что она даетъ наглядные примѣры того, какимъ образомъ экономическая борьба рождаетъ политическое сознаніе въ отсталыхъ слояхъ пролетариата передовыхъ капиталистическихъ странъ. Эти примѣры могли бы способствовать разрѣшенію практически важнаго вопроса о томъ, какова можетъ и должна быть роль *партіи* въ воспитаніи представляемаго ею *класса*. Извѣстно, что у насъ нерѣдко разсуждали объ этой роли самымъ отвлеченнымъ и потому самымъ доктринерскимъ образомъ.

³⁾ Книга Роблена тоже недурно могла бы разъяснить профессору Юл. Платтеру, какимъ образомъ мелкая собственность нерѣдко ведетъ къ пониженію заработной платы, получаемой собственниками.

держивается лишь сознательной или бессознательной склонностью къ „ревизионизму“. Люди, твердо державшіеся точки зрѣнія пролетаріата, не могутъ теперь забывать его несостоятельности. Мы съ удовольствіемъ узнали, что на аграрномъ съѣздѣ бельгійской социалистической партіи, состоявшемся въ концѣ ноября прошлаго года, мнѣніе это, нашедшее себя убѣжденнаго защитника въ лицѣ тов. Дебарси, встрѣтило сочувствіе лишь меньшинства делегатовъ, значительное же *большинство* ихъ приняло рѣшеніе, предложенное Вандервельдомъ и гласящее такъ: „Пропагандисты, дѣйствующіе въ сельскихъ округахъ, никогда не должны упускать изъ виду, что рабочая партія есть, по самому опредѣленію своему, партія класса; что, слѣдовательно, она должна защищать интересы всѣхъ эксплуатируемыхъ, но прежде всего живущихъ въ деревняхъ промышленныхъ и сельско хозяйственныхъ рабочихъ и тѣхъ мелкихъ крестьянъ, условия жизни и труда которыхъ приближаются къ условіямъ существованія наемныхъ рабочихъ“. Поясняя предложенный имъ проектъ рѣшенія, тов. Вандервельдъ очень вѣрно замѣтилъ: „никто не помышляетъ о томъ, чтобы исключить изъ рабочей партіи мелкихъ крестьянъ. Рѣчь идетъ о томъ, чтобы опредѣлить, къ какому классу мы должны прежде всего обратиться со своей пропагандой. И вотъ, я утверждаю: прежде всего къ наемнымъ рабочимъ и къ тѣмъ крестьянамъ, которые приближаются къ нимъ по условіямъ своего существованія“. Эта мысль, одобренная, какъ уже сказано значительнымъ большинствомъ съѣзда, тождественна съ тѣмъ, что говорится въ предлагаемой брошюрѣ Энгельса.

Выходитъ, что для „Запада“ брошюра эта до сихъ поръ сохранила все свое значеніе. Но читатель спроситъ насъ, пожалуй, какое значеніе можетъ имѣть она для насъ, русскихъ социалдемократовъ: вѣдь всѣмъ и каждому давно и хорошо извѣстно, что *Россия не Западъ*.

Отвѣтъ ясенъ. Эта брошюра покажетъ намъ, до какой степени не понимаютъ задачъ современнаго социалистическаго движенія тѣ люди, которые, ссылаясь на то, что въ земледѣліи будто бы не оправдались „предсказанія Маркса“, придумливаютъ теперь особый крестьянскій, „аграрный“ социализмъ. Эти люди въ огромномъ большинствѣ случаевъ находятся въ лагерѣ „ревизионистовъ“ и совсѣмъ не сочувствуютъ *революционнымъ* стремленіямъ пролетаріата. 1) У насъ, — не даромъ же „Россия не Западъ“, — крикливыми носителями идей особаго „аграрнаго“ социализма явились люди, именующіе себя социалистами-революционерами. Но читатель-социалдемократъ прекрасно знаетъ какъ обстоитъ дѣло съ революціонностью этихъ господъ. Кто то; — если не оши-

1) Читателя, желающаго убѣдиться въ этомъ, мы отсылаемъ къ очень пухлой, претенціозной и широковысказательной, но — увы! — очень бѣдной содержаніемъ книгѣ доктора Альфреда Поессига: *Die moderne Agrarfrage*, Berlin Bern 1902. Она едва ли не лучшее сочиненіе „знаменитаго“ г. Бернштейна показываетъ теоретическую несостоятельность и практическій консерватизмъ „ревизионистскихъ“ стремленій.

баемся, тов. Марговъ, — въ высшей степени мѣтко сказать, что ихъ „партія“ носить свое двойное названіе единственно потому, что социализмъ ея не революціоненъ, а революціонность не имѣетъ ничего общаго съ социализмомъ. Въ самомъ дѣлѣ, по своимъ взглядамъ на аграрный вопросъ въ западныхъ странахъ эти „революционеры“ солидарны именно съ „ревизионистами“, т. е. съ *антиреволюционными* минусомъ западной социалдемократіи. Почему это такъ? Потому что и нельзя сочувствовать революціоннымъ стремленіямъ пролетаріата, не становясь на точку зрѣнія этого класса. А они очень далеки отъ нея. Они стоятъ не на точкѣ зрѣнія пролетаріата, а на точкѣ зрѣнія *всѣхъ вообще трудящихся*, къ которымъ принадлежатъ, по ихъ опредѣленію, между прочимъ, и самостоятельныя мелкіе собственники, живущіе трудами рукъ своихъ и не эксплуатирующіе наемнаго труда. Но въ предлагаемой брошюрѣ Энгельса справедливо сказано, что мелкій собственникъ этого разряда является теперь *пержиткомъ*, затѣпаннымъ буржуазному обществу старымъ, *докапиталистическимъ* способомъ производства. Современный пролетаріатъ былъ вызванъ къ жизни не чѣмъ инымъ, какъ разложениемъ тѣхъ производственныхъ отношеній, которыя были свойственны этому старому способу. Становиться на точку зрѣнія этихъ отношеній значитъ, — по выраженію Манифеста Коммунистической Партіи, — *стремиться повернуть назадъ колесо исторіи*. А точка зрѣнія этихъ отношеній есть именно собственная „социалистамъ-революционерамъ“ точка зрѣнія „всѣхъ трудящихся“. Вотъ почему и вотъ въ какомъ, совершенно точномъ, научномъ смыслѣ слова мы называемъ ихъ социалистами-реакционерами. Читатель видитъ, что, давая имъ такое имя, мы руководствуемся не полемическимъ задоромъ, а вполне опредѣленными теоретическими соображеніями. При этомъ мы вовсе не думаемъ утверждать, будто они лгутъ, называя себя революционерами. Нѣтъ, огромное большинство ихъ состоитъ, конечно, изъ искреннихъ людей. 1) Они искренно ненавидятъ существующій въ Россіи общественный и политическій порядокъ и искренно стремятся къ „соціальной“ революціи; но они не понимаютъ задачъ и условій этой революціи. Отказываясь стать на точку зрѣнія *пролетаріата*, они поневолѣ и безъ собственного вѣдома становятся на точку зрѣнія *мелкой буржуазіи*. Они только терминологіей отличаются отъ мелко буржуазныхъ партій, выступавшихъ въ революціонныя эпохи на исторической сценѣ Западной Европы. 2) А въ сущности они — родные братья тѣхъ французскихъ демократовъ 1848 года, о которыхъ мы встрѣчаемъ у Маркса слѣдующій интересный отзывъ: „Но демократъ, представляющій мелкую буржуазію, т. е. *промежуточный классъ*, въ которомъ притупляются интересы двухъ различныхъ классовъ,

1) Ниже читатель увидитъ, почему мы не рѣшаемся сказать это обо всѣхъ безъ исключенія социалистахъ-реакционерахъ.

2) Да и это отличіе не такъ велико, какъ можно было бы ожидать. Марксъ говоритъ, что въ Германіи въ сороковыхъ годахъ каждый оппозиционно-настроенный буржуа называлъ себя *социалистомъ*. *L'habit ne fait pas le moine*.

воображает себя выше классовых противоречий вообще. Демократы (как и наши социалисты-реакционеры. Г. П.) признают существование привилегированного класса, но они со всей остальной нацией образуют *народъ* („трудящийся класс“ наших социалистов-реакционеров. Г. П.). Они — защитники народных прав, их интересы — *народные интересы*. Имъ, поэтому, незачѣмъ накануне борьбы анализировать интересы и положение различныхъ классовъ. Имъ незачѣмъ особенно осторожно взвѣшивать свои собственные средства (известно, что нашимъ с.-р. такое взвѣшивание всегда представлялось измѣной революціи. Г. П.). Имъ стоитъ вѣдь только дать сигналъ — и народъ со всеми своими неисчерпаемыми силами бросится на *уничтожителей*. А если на дѣлѣ ихъ интересы оказываются никому неинтересными, а ихъ сила — безсильемъ, то или въ этомъ виноваты губительные софисты, раздѣляющие *нераздельный народъ* на различные враждебные лагеря (подобно тому, какъ мы, не менѣе губительные социалдемократы, подраздѣляемъ *народъ* на *пролетариатъ* и *испролетарскіе* слои. Г. П.), или армія была слишкомъ обезчеловѣчена, слишкомъ ослѣплена, чтобы видѣть въ чистыхъ цѣляхъ демократіи свое собственное благо или какая нибудь деталь въ исполненіи помѣшала всему, или же непередвидѣнная случайность на этотъ разъ разстроила дѣло!“. Мелко-буржуазные демократы всегда и вездѣ считали свою *ограниченность* признакомъ *широты* своихъ социальныхъ стремлений. Эта психологическая черта какъ нельзя болѣе свойственна нашимъ социалистамъ-реакционерамъ. Да оно и неудивительно: одинаковыя причины вызываютъ одинаковыя дѣйствія.

Ограниченность, мнящая себя *широтой*, сама по себѣ комична. Но она доходитъ до геркулесовыхъ столбовъ комизма, когда пытается пересоздать современное ей революционное движеніе по своему образу и подобию. Конечно, ея усилія заранее осуждены на неудачу, подобно тому, какъ были заранее осуждены на неудачу реакціонныя стремленія славнаго рыцаря, воспѣтаго Сервантесомъ. Но на нихъ не мѣшаетъ иногда обратитъ вниманіе, чтобы еще вѣрнѣе оцѣнить тѣхъ, кто ихъ дѣлаетъ. Поэтому напомнимъ читателю объ одномъ изъ упрековъ, который выставляется социалистами-реакционерами противъ аграрной программы нашей партіи. По ихъ словамъ, главный ея недостатокъ заключается въ томъ, что она буржуазна. Но какъ понимать этотъ упрекъ? Думаютъ ли наши противники, что мы и въ социалистическомъ обществѣ хотѣли бы сохранять частную собственность на землю? Нѣтъ, они этого не могутъ думать, если имѣютъ хотя бы малѣйшее понятіе о научномъ социализмѣ, рѣшительными сторонниками котораго мы были и будемъ: нашей конечной цѣлью является обращеніе въ общественную собственность *всѣхъ* средствъ производства, а, слѣдовательно, и *земли*. Мы полагаемъ, что это требованіе, — осуществленіе котораго подготавливается неотвратимымъ ходомъ развитія капиталистическаго общества, — цѣлкомъ лежитъ въ интересахъ *пролетариата* и вовсе не выражаетъ интересовъ *буржуазіи*. И ка-

будетъ заправы. А если это такъ, то въ чемъ же дѣло? По власти глуща шумъ? По тому случаю, что мы не выдумали ніе *явлкрстьянской социалистической программы*, которая ука-соціалы намъ путь къ „соціализаціи“ земли *ранне революціи вэллетариста*, долженствующей обратить въ общественную собственность *всѣ* средства производства. А это равносильно требованію *осуществить „аграрный“ социализмъ въ буржуазномъ обществѣ*. Но кто же можетъ выставить такое странное требованіе? Только тотъ, чей социализмъ самъ исполненъ буржуазнаго (т. е., собственно, мелко-буржуазнаго) духа. Значитъ, упрекая насъ въ буржуазности, гг. социалисты-реакционеры тѣмъ самымъ разоблачаютъ свою собственную буржуазную сущность. *Сама себя раба бьетъ, что не чисто жметъ*. Это ли не верхъ комизма?

Гг. социалисты-реакционеры и сами чувствуютъ, что съ точки зрѣнія современнаго социализма дѣло обстоитъ не особенно ладно съ ихъ аграрно-„социалистическими“ требованіями. Это чувство заставляетъ ихъ радостно привѣтствовать всѣ тѣ будто бы критическія замѣчанія, которые, — съ голоса буржуазныхъ и реакціонныхъ экономистовъ, — направляются „ревизионистами“ противъ марксизма вообще и особенно противъ „марксовой догмы“, въ области аграрнаго вопроса. Тутъ, — какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, — они являются самими естественными и самыми надежными союзниками „ревизионистовъ“, ихъ родными братьями, чѣмъ еще разъ ясно показываютъ, насколько поверхностны и половинчаты ихъ революціонныя стремленія. Они надѣются, что гг. „ревизионисты“ своей „критикой“ расчистятъ почву для *утопіи*, лежащей въ основѣ ихъ аграрнаго социализма. Эта утопія представляетъ собою наслѣдство, завѣщанное нашему революціонному движенію *народническимъ* его періодомъ, и сводится къ тому, что наша крестьянская община можетъ сдѣлаться исходной точкой для развитія въ сторону социализма производственныхъ отношений, существующихъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Такъ какъ эта ветхозавѣтная утопія, подъ вліяніемъ марксистскаго анализа, давно уже утратила свою первобытную свѣжесть и разлетѣлась по всѣмъ швамъ, то гг. социалисты реакціонеры, въ цѣляхъ ея обновленія, судорожно цѣпляются за новую утопію, придуманную „ревизионистами“ и сводящуюся къ вѣрѣ въ чудодѣйственную силу различнаго рода товариществъ, основываемыхъ пролетариатомъ въ нѣдрахъ капиталистическаго общества. „Ревизионисты“ считаютъ эти товарищества однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ „опустощенія“ капиталистическаго порядка. Эти товарищества служатъ имъ однимъ изъ самыхъ главныхъ козырей въ „критикѣ Маркса“. „Ревизионисты“ твердятъ, что Марксъ не сумѣлъ оцѣнить міссію такихъ товариществъ. Но замѣчательно, что на эту „критику“ Марксъ отвѣтилъ *анти-критикой* еще въ такое время, когда огромное большинство гг. „ревизионистовъ“ еще и на свѣтѣ не родилось. Находясь подъ свѣжамъ впечатлѣніемъ событій 1848 г., онъ указывалъ на *доктринерскіе эксперименты* въ родѣ *мно-выхъ банковъ и рабочихъ ассоціацій*, вызванные тѣмъ, что, разбитый въ іюнѣ 1848 г., пролетариатъ отказывался отъ „мысли

¹⁾ Восемнадцатое брюмера, стр. 44.

революционизировать старый мир могучими средствами. Де-мира въ ихъ совокупности, а стремятся къ своему освобождению — за спиною общества, частнымъ путемъ, въ предлагаемыхъ условияхъ своего существованія²⁾. Хотя самая идея боичихъ ассоціацій измѣнилась съ тѣхъ поръ, но и до нашихъ дней несомнѣнно то, что практикуемое „ревизионизмомъ“ *противопоставленіе* ихъ революціонному марксизму вызываетъ доктринерской узостью мысли и полнымъ отсутствіемъ революціонной энергіи. Но это, конечно, не мѣшаетъ нашимъ социалистамъ-„революционерамъ“ и въ этомъ случаѣ стоять на сторонѣ „ревизионистовъ“: новый матеріалъ для оцѣнки истиннаго характера ихъ будто бы революціонныхъ стремленій.

Соціально-„революціонные“ публицисты сами замѣчаютъ неловкость своего единомыслія съ „ревизионистами“ и стараются доказать читающей публикѣ, что вѣра въ чудотворную силу товариществъ, долженствующихъ привести къ „соціализаціи“ крестьянскаго земледѣлія, послѣ „соціальной“ революціи, — которая совершится *при сохраненіи товарно-капиталистическаго хозяйства*, — не чужда и марксистамъ. Иногда мы наталкиваемся при этомъ на изумительныя ссылки. Такъ, напримѣръ, въ № 14 „Революціонной Россіи“ напечатано:

„Перемѣна тактики по отношенію къ деревнѣ и крестьянству съ его привязанностью къ землѣ въ извѣстныхъ предѣлахъ была узаконена даже однимъ изъ отцовъ научнаго социализма, Ф. Энгельсомъ. Вопреки догмѣ, согласно которой только пролетаризація приведетъ къ социализму — догмѣ, которая особенно распространена въ Россіи — Энгельсъ призналъ въ статьѣ „Die Bauernkriege in Frankreich und Deutschland“, возможность для крестьянъ востать въ государство будущаго другимъ путемъ. Мы можемъ, говоритъ Энгельсъ, предложить крестьянамъ *самимъ* вводить крупное производство, но не за счетъ капитала, а за ихъ собственный общественный счетъ“. Какъ примѣръ, онъ указываетъ на примѣръ датскихъ социалистовъ (и. д. 1). Публицистъ „Рев. Рос.“ ссылается какъ разъ на ту работу Энгельса, которую мы издаемъ теперь въ русскомъ переводѣ. Читатель самъ можетъ судить по этому, много ли *правды* въ этой ссылкѣ. О датскихъ социалистахъ Энгельсъ говоритъ только то, что они уже двадцать лѣтъ тому назадъ стали разрабатывать планъ организаціи производительныхъ селско-хозяйственныхъ товариществъ между мелкими крестьянами. Онъ не высказываетъ своего мнѣнія о томъ, къ чему привели *усилія датскихъ социалистовъ*, ограничиваясь бѣглымъ замѣчаніемъ, что въ Даніи мелкое крестьянское земледѣліе играетъ второстепенную роль. Что же касается тѣхъ странъ, гдѣ оно распространено очень сильно, то упореніе и развитіе селско-хозяйственныхъ товариществъ приурочивается имъ къ одному непремѣнному условію, о которомъ не счелъ нужнымъ упомянуть публицистъ „Рев. Рос.“: *къ захвату власти рабочимъ классомъ, къ диктатурѣ пролетаріата*. У Энгельса прямо сказано, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ организація такихъ товариществъ

будетъ зависеть отъ обстоятельствъ, при которыхъ общественная власть перейдетъ въ наши руки. И вообще все это разсужденіе является у него отвѣтомъ на вопросъ, *какъ отнесемся „мы“ — социалъдемократы — къ мелкому крестьянину въ тотъ день, когда власть достанется намъ*. И, какъ бы опасаясь, что его мысль исказитъ какой нибудь мелкій буржуа, стремящійся къ упрощенію мелкаго земледѣлія, Энгельсъ спѣшитъ повторить основную мысль всей своей статьи, заключающуюся въ томъ, что мы никоимъ образомъ не можемъ дать мелкому крестьянину обѣщаніе поддерживать его *самоуверенность* и его *хозяйство* противъ превосходныхъ силъ капитализма¹⁾. Вотъ оно, правдолюбіе „Рев. Рос.“!

Въ „партіи“ социалистовъ-реакціонеровъ есть два, очень не похожихъ одинъ на другой, разряда лицъ.

Одинъ изъ нихъ придерживается „древняго благочестія“ безъ всякихъ фразъ и откровенно не понимаетъ научнаго социализма. Міросозерцаніе людей этого разряда чуждо всякаго элемента строгаго мышленія, ихъ взгляды очень ветхи, но сами они отличаются по большей части цѣльностью и искренностью. Это — почтенныя тѣни прошлаго, безвозвратно минувшаго времени, по странному, но въ то же время трогательному недоразумѣнію, вообразившая себя призванными къ новой жизни и къ торжеству надъ социалъдемократической ересью. Это — недалекіе, но честные фронтовики русскаго различнаго движенія. Другой разрядъ состоитъ изъ лицъ, вкусившихъ отъ древа новѣйшей социалъдемократической литературы. Они читаютъ Маркса и Энгельса (фронтовики только „не соглашались“ съ этими писателями), критикуютъ ихъ съ голоса бужуазной интеллигенціи Запада и съ точки зрѣнія своихъ собственныхъ, доморожденныхъ предразсудковъ, усердно распространяютъ аграрныя идеи ревизионистовъ и не менѣе усердно приводятъ фальшивыя цитаты въ подтвержденіе и прославленіе своей эклектической идейной окрошки. Это — софисты социалистически реакціонной „партіи“. Объ *ихъ* искренности нельзя говорить иначе, какъ въ насмѣшку.

Чтобы закончить, еще два слова. Въ приложеніи мы помѣщаемъ двѣ страницы изъ книги Энгельса: *Der deutsche Bauernkrieg (Нѣмецкая крестьянская война)*, написанной имъ въ самомъ началѣ пятидесятыхъ годовъ²⁾. Достаточно пробѣжать эти страницы, чтобы увидѣть, что у Энгельса и тогда былъ тотъ же самый взглядъ на крестьянство, который высказанъ въ предлагаемой брошюрѣ. Это показываетъ, насколько основательно высказанное публицистомъ „Р. Р.“ убѣжденіе о томъ, что ко времени написанія этой брошюры Маркса „догма“ подверглась измѣненію въ головѣ Энгельса, который будто бы рѣшился перемѣнить „тактику по отношенію къ деревнѣ“. Московскія барышни временъ Фамусова словечка въ простотѣ не говорили: „все съ ужимкой“. Цитируемый публицистъ „Рев. Россіи“ тоже не говоритъ о марксизмѣ ни одного словечка въ простотѣ: *все съ пер. . . значеніемъ*.

Г. Плехановъ

²⁾ Восемнадцатое брюмера, стр. 16.

¹⁾ Рев. Рос. № 14, стр. 7. первый столбецъ.

¹⁾ См. стр. 14—15 предлагаемой брошюры.

²⁾ Тов. В. Перова переводитъ эту книгу на русскій языкъ.

Крестьянский вопросъ во Франціи и Германіи.

Буржуазныя и реакціонныя партіи необыкновенно удивлены тѣмъ, что у социалистовъ вдругъ и повсюду выступаетъ теперь на очередь крестьянскій вопросъ. Онѣ скорѣе должны бы удивляться тому, что этого не случилось до сихъ поръ. Отъ Ирландіи до Силезіи, отъ Андалузіи до Россіи и Болгаріи, крестьянинъ является очень существеннымъ факторомъ населенія, производства и политической силы. Только двѣ западно-европейскія страны составляютъ исключеніе. Въ собственной Великобританіи крупное землевладѣніе и крупное сельское хозяйство совершенно вытѣснили самостоятельнаго крестьянина; въ восточной Пруссіи тотъ же самый процессъ продолжается уже цѣлыя столѣтія, и здѣсь также крестьянинъ или все болѣе и болѣе отрывается отъ земли, или же просто экономически и политически оттѣсняется на задній планъ.

Какъ факторъ политической силы, крестьянинъ до сихъ поръ большей частью проявлялся только своей апатіей, происходящей отъ изолированности сельской жизни. Эта апатія большихъ массъ населенія есть самая сильная опора не только парламентскаго разврата въ Римѣ и Парижѣ, но также и русскаго деспотизма. Но она отнюдь не непреодолима. Со времени возникновенія рабочаго движенія въ западной Европѣ, особенно тамъ, гдѣ преобладаетъ очень мелкая крестьянская собственность, буржуазіи не трудно было вызвать въ крестьянахъ недоувѣріе и ненависть къ социалистическимъ рабочимъ, изображая этихъ послѣднихъ лѣнивыми и жадными горожанами, стремящимися завладѣть крестьянскимъ имуществомъ. Смутныя социалистическія стремленія февральской революціи быстро сметены были реакціоннымъ голосованіемъ французскихъ крестьянъ; крестьянинъ, дорожившій своимъ покоемъ, вспомнилъ легенду о крестьянскомъ императорѣ Наполеонѣ и создалъ вторую имперію. Ведемъ намъ извѣстно, чего стоилъ французскому народу этотъ крестьянскій подвигъ; его послѣдствія чувствуются еще и до сихъ поръ.

Но съ тѣхъ поръ многое измѣнилось. Развитіе капиталистической формы производства обрѣзало жизненный нервъ мелкаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ; это производство безнадежно рушится и гибнетъ. Конкуренція Сѣверной и Южной Америки и Индіи наводнила европейскій рынокъ дешевымъ хлѣбомъ, — настолько дешевымъ, что никакой мѣстный производитель не можетъ съ нимъ конкурировать. Крупный землевладѣлецъ и мелкій крестьянинъ оба равно видятъ предъ собою гибель. И такъ какъ они также — землевладѣльцы и сельскіе жители, то крупный земле-

владѣлец бросается защищать интересы мелкаго крестьянина этого крестьянина, — говоря вообще — принимаетъ эту защитѣнность.

Но тѣмъ временемъ на Западѣ выросла могущественная, социалистическая рабочая партія. Смутныя представленія и чуждъ времени февральской революціи проявились, углубились и расширились до программы, способной выдержать самую строгую научную критику и заключающей въ себѣ опредѣленные, осязательныя требованія; требованія эти защищались въ нѣмецкомъ, французскомъ и бельгійскомъ парламентахъ все возрастающимъ числомъ социалистическихъ депутатовъ. Завоеваніе политической власти социалистической партіей стало дѣломъ обозримого будущаго. Но для того, чтобы завоевать ее, партія эта должна сначала пойти изъ города въ деревню, должна сдѣлаться сильной въ деревнѣ. Имѣя, сравнительно со всѣми другими партіями, наиболѣе ясный взглядъ на связь экономическихъ причинъ съ ихъ политическими слѣдствіями и уже давно разсматривая подъ овечьей шкурой назойливаго друга крестьянъ волчью фигуру крупнаго землевладѣльца, можетъ-ли она спокойно оставить осужденнаго на гибель крестьянина въ рукахъ его ложныхъ защитниковъ, пока, наконецъ, онъ не превратится изъ пассивнаго въ активнаго врага промышленнаго рабочаго? А это вводитъ насъ въ самую суть крестьянскаго вопроса.

I.

Сельское населеніе, къ которому мы можемъ обратиться, состоитъ изъ очень различныхъ элементовъ, различающихся, въ свою очередь, также смотря по мѣстности.

На западѣ Германіи, такъ же, какъ во Франціи и въ Бельгій, — преобладаетъ мелкое хозяйство мелкихъ крестьянъ, которые въ большинствѣ случаевъ являются собственниками, въ меньшинствѣ же — арендаторами своихъ клочковъ земли.

На сѣверо-западѣ, — въ нижней Саксоніи и Шлезвигъ-Гольштейнѣ, — мы видимъ, преимущественно, крупныхъ и среднихъ крестьянъ, которые не могутъ обойтись безъ батраковъ и батрачекъ и даже поденщиковъ. То же самое отчасти и въ Баваріи. Восточная Пруссія и Мекленбургъ представляютъ собою области крупнаго землевладѣнія и крупнаго хозяйства съ дворовыми, батраками и поденщиками; кое-гдѣ встрѣчаются мелкіе и средніе крестьяне, но въ сравнительно слабой и все уменьшающейся пропорціи.

Въ средней Германіи существуютъ всѣ эти формы владѣнія и хозяйства, перемѣшанные въ различныхъ отношеніяхъ, смотря по мѣстности, безъ рѣзкаго преобладанія той или другой формы на болѣе обширномъ пространствѣ.

Кромѣ того, есть мѣстности различнаго протяженія, гдѣ собственное или арендованное поле не можетъ прокормить семью, но служить только опорой домашней промышленности и устанавливаетъ въ ней необъяснимую иначе низкую заработную плату, которая обезпечиваетъ продуктамъ постоянный сбытъ, несмотря на

всю иноземную конкуренцію. Который же изъ этихъ разрядовъ сельскаго населенія можетъ перейти въ социалъдемократическую партію? Само собой разумѣется, что мы разсматриваемъ этотъ вопросъ только въ общихъ чертахъ его; мы беремъ только рѣзко выраженные формы; заняться же разсмотрѣніемъ переходныхъ ступеней и смѣшаннаго сельскаго населенія намъ не позволяютъ размѣры статьи.

Начнемъ съ мелкаго крестьянина. Для Западной Европы онъ вообще является не только самымъ важнымъ изъ всѣхъ крестьянъ, но составляетъ также основной элементъ для рѣшенія всего вопроса. Если мы выяснимъ себѣ наше отношеніе къ мелкому крестьянину, то это послужитъ намъ отправнымъ пунктомъ для опредѣленія нашего отношенія и ко всѣмъ остальнымъ элементамъ сельскаго населенія.

Подъ мелкимъ крестьяниномъ мы разумѣемъ здѣсь собственника или арендатора, — главнымъ образомъ, перваго, — участка земли, обыкновенно не больше того, что онъ въ состояніи обработать силами своей собственной семьи, и не меньше того, сколько необходимо для прокормленія этой семьи. Такой мелкій крестьянинъ, такъ же, какъ и мелкій ремесленникъ, есть, слѣдовательно, работникъ, тѣмъ отличающійся отъ современнаго пролетарія, что онъ еще владѣетъ своими средствами производства; слѣдовательно, онъ является пережиткомъ прежняго способа производства. Отъ своего предка — крѣпостного, оброчнаго, или въ очень рѣдкихъ исключеніяхъ, вольнаго крестьянина, обязаннаго только платить извѣстныя подати и нести извѣстныя службы помѣщику, — онъ отличается троякимъ образомъ. Во-первыхъ, тѣмъ, что французская революція освободила его отъ феодальныхъ повинностей и обязанностей, которыя онъ долженъ былъ исполнять по отношенію къ своему господину, и въ большинствѣ случаевъ, по крайней мѣрѣ на лѣвомъ берегу Рейна, предоставила ему его крестьянское имѣніе въ видѣ свободной собственности. Во-вторыхъ, тѣмъ, что онъ, переставъ быть членомъ самоуправляющейся поземельной общины, лишился ея поддержки и пользованія ея землями. Эти земли отняты у крестьянъ частью прежними феодальными господами, частью провѣщеннымъ, бюрократическимъ законодательствомъ, опиравшимся на римское право; и, благодаря этому, современный мелкій крестьянинъ лишецъ возможности кормить свой рабочій скотъ дешевыми кормомъ. Въ экономическомъ отношеніи эта потеря общинныхъ земель съ избыткомъ перевѣшиваетъ уничтоженіе феодальныхъ повинностей. Въ-третьихъ, современный крестьянинъ отличается утратой половины своей прежней производительной дѣятельности. Раньше онъ самъ производилъ съ своей семьей изъ добытаго имъ самимъ сырого матеріала большую часть тѣхъ продуктовъ, въ которыхъ онъ нуждался; все остальное доставляли ему его деревенскіе сосѣди, наряду съ земледѣліемъ занимавшіеся ремеслами, причемъ онъ платилъ имъ большей частью или своими собственными издѣліями, или своимъ трудомъ. Семья, а тѣмъ болѣе деревня, удовлетворяла себя сама и производила почти все, что ей было нужно. Это было, можно сказать, чистое натуральное хозяйство, почти совершенно не нуждавшееся въ деньгахъ. Капиталистическое

производство положило ему конец посредством денежного хозяйства и крупной промышленности. Но если пользование общинными землями являлось одним из основных условий его существования, то другим был этот особый промысел. Таким образом, крестьянин падает все ниже и ниже. Налоги, неурожаи, дѣлежи наслѣдства, процессы гонят одного крестьянина за другимъ къ ростовщику; задолженность становится все болѣе общимъ явленіемъ и все болѣе тяжелой для каждого въ отдѣльности, — однимъ словомъ, нашъ мелкій крестьянинъ, какъ и всякій другой пережитокъ прошлаго способа производства, неминуемо осужденъ на гибель. Онъ есть будущій пролетарій.

Въ качествѣ такового, онъ долженъ бы съ готовностью открытъ уши для социалистической пропаганды. Но въ этомъ ему пока еще служить помѣхой глубоко укоренившееся въ немъ чувство собственности. Чѣмъ тяжелѣе становится для него борьба за свой обремененный долгами клочекъ земли, тѣмъ съ болѣе силой отчаянія дѣлается онъ за него и тѣмъ болѣе видитъ онъ въ социалдемократѣ, говорящемъ о передачѣ земельной собственности обществу, такого же опаснаго врага, какъ въ ростовщикѣ или адвокатѣ. Какъ же преодолѣть социалдемократіи этотъ предразсудокъ? Что можетъ она предложить погибающему мелкому крестьянину, не измѣняя себѣ самой?

Здѣсь мы имѣемъ практическое указаніе въ аграрной программѣ французскихъ социалистовъ марксистскаго направленія, которая тѣмъ болѣе имѣетъ значенія, что она идетъ изъ классической страны мелкаго крестьянскаго хозяйства. На марсельскомъ конгрессѣ 1892 г. была принята первая программа партіи. Она требуетъ для безземельныхъ, сельскихъ рабочихъ (слѣдовательно, для батраковъ и поденщиковъ): минимальной заработной платы, установленной промысловыми союзами и общинными совѣтами; сельскихъ промысловыхъ судовъ, состоящихъ на половину изъ рабочихъ; запрещенія продажи общинной земли; аренды государственныхъ земель общинами, которыя должны сдавать всю землю, — и свою собственную, и арендованную, — ассоціаціямъ безземельныхъ семей сельскихъ рабочихъ для общей обработки, съ запрещеніемъ употреблять наемныхъ рабочихъ и подѣ контролемъ общины; пенсій для стариковъ и инвалидов, которыя покрывались бы особымъ налогомъ на крупное землевладѣніе.

Для мелкихъ крестьянъ, къ которымъ относятся и арендаторы, программа требуетъ: пріобрѣтенія общинами сельскохозяйственныхъ машинъ для отдачи ихъ, по своей цѣнѣ, въ пользованіе крестьянамъ; учрежденія крестьянскихъ товариществъ для покупки удобренья, дренажныхъ трубъ, сѣмянъ и т. п., и для продажи продуктовъ; уничтоженія налога, взимаемаго при переходѣ изъ однихъ рукъ въ другія земельныхъ участковъ, не превышающихъ стоимости 5000 франковъ; посредническихъ судовъ по ирландскому образцу для пониженія слишкомъ высокихъ арендныхъ цѣнъ и вознагражденія уходящихъ арендаторовъ и фермеровъ за производимое ихъ трудомъ повышение стоимости земли; уничтоженія 2102 статьи свода гражданскихъ законовъ, которая даетъ землевладѣльцу право наложить запрещеніе на урожай и лишенія кредиторовъ права брать подъ закладъ хлѣбъ на корню;

запрещенія брать въ закладъ полевые орудія, урожай, сѣмена, удобренья, рабочій скотъ, однимъ словомъ, все то, что необходимо крестьянину для продолженія его работы; пересмотра давно устарѣлаго всеобщаго земельного кадастра, а пока мѣстныхъ, пересмотра въ каждой общинѣ, наконецъ, бесплатнаго сельско-хозяйственного средняго образованія и учрежденія сельско-хозяйственныхъ опытныхъ станцій.

Мы видимъ, что требованія программы въ интересахъ крестьянъ, — требованія въ пользу рабочихъ мы пока не будемъ касаться здѣсь, — не очень широки. Часть ихъ уже осуществлена въ другихъ мѣстахъ. Для посредническихъ арендныхъ судовъ опредѣленно указывается ирландскій образецъ. Крестьянскія товарищества уже существуютъ въ пріерийской Германіи. Ревизія кадастра есть во всей Западной Европѣ горячее, насущное желаніе всѣхъ либераловъ и даже бюрократовъ. Также и остальные пункты программы могутъ быть осуществлены, не нанося существеннаго вреда капиталистическому порядку. Это мы говоримъ только для характеристики программы, но отнюдь не дѣлая ей упрека, — наоборотъ!

Эта программа была такъ хорошо встрѣчена крестьянами въ самыхъ различныхъ частяхъ Франціи, что, — по пословицѣ: апетитъ приходитъ съ ѣдою, — наши французскіе товарищи захотѣли еще болѣе приспособиться ко вкусу крестьянъ. При этомъ партія чувствовала, конечно, что здѣсь она становится на опасный путь. Можно-ли помочь крестьянину, — не какъ будущему пролетарію, но какъ настоящему крестьянину-собственнику, — не нарушая основныхъ принциповъ социалистической программы? Чтобы устранить это возраженіе, новымъ практическимъ предложеніемъ была предпослана теоретическая мотивировка, пытавшаяся доказать, что въ принципъ социализма входитъ охрана мелкой крестьянской собственности отъ уничтоженія ея капиталистическимъ способомъ производства, хотя авторы сами ясно понимали, что гибель ея неизбежна. Эту-то мотивировку, равно какъ и самыя требованія, принятые въ сентябрѣ нынѣшняго года на Нантскомъ конгрессѣ, мы и хотимъ теперь разсмотрѣть поближе.

Мотивировка начинается такъ:

„Принимая въ соображеніе, что, по точному смыслу общей программы партіи, производители могутъ быть свободны лишь въ той мѣрѣ, въ какой они обладаютъ средствами производства;

„Принимая въ соображеніе, что хотя въ области промышленности эти средства производства уже до такой степени централизованы, что могутъ быть переданы производителямъ только въ общинной или въ общественной формѣ; но что это, — по крайней мѣрѣ, въ современной Франціи, — ни въ коемъ случаѣ не имѣетъ мѣста въ области сельскаго хозяйства, гдѣ средства производства, а именно, земля еще въ очень многихъ мѣстахъ является частной собственностью въ рукахъ отдѣльныхъ производителей;

„Принимая въ соображеніе, что хотя это положеніе, характеризующееся очень мелкой собственностью, и обречено неминуемо на гибель, однако социализмъ не долженъ ускорять эту гибель, такъ какъ задача его состоитъ вѣдь не въ томъ, чтобы отдѣлить

собственность отъ труда, но наоборотъ въ томъ, чтобы соединить въ однихъ и тѣхъ же рукахъ оба эти фактора всякаго производства, раздѣленіе которыхъ ведетъ къ рабству и нищетѣ обращенныхъ въ пролетаріатъ работниковъ;

„Принимая въ соображеніе, что если съ одной стороны обязанность социализма состоитъ въ томъ, чтобы снова ввести земельческіе пролетаріевъ во владѣніе крупными имѣніями, — въ общинной или обобществленной формѣ, — послѣ экспропріаціи современныхъ праздныхъ ихъ собственниковъ, то съ другой стороны, онъ не менѣе настоятельно обязанъ также поддерживать мелкую собственность самостоятельно работающихъ крестьянъ противъ налоговъ, ростовщиковъ и посягательствъ со стороны вновь возникшихъ крупныхъ помѣщиковъ;

„Принимая въ соображеніе, что цѣлесообразно также распространить эту охрану и на тѣхъ производителей, которые, подъ именемъ арендаторовъ или фермеровъ, обрабатываютъ чужую землю, и которые, въ томъ случаѣ, если они эксплуатируютъ наемныхъ рабочихъ, до нѣкоторой степени вынуждены къ этому эксплуатации, тяготящей надъ ними самими;

„Рабочая партія, — которая, въ противоположность анархистамъ, въ своемъ преобразованіи общественнаго порядка рассчитываетъ не на увеличеніе и расширеніе нищеты, но ждетъ освобожденія труда и всего общества только отъ организаціи и отъ совместныхъ усилій рабочихъ, сельскихъ и городскихъ, отъ захвата ими управленія и законодательства, — принимаетъ слѣдующую аграрную программу, чтобы посредствомъ ея объединить всѣ элементы сельскаго производства и всѣ роды дѣятельности, подъ различными наименованіями извлекающіе пользу изъ національной почвы, для совокупной борьбы противъ общаго врага: феодализма землевладѣнія“.

Разсмотримъ поближе эти соображенія.

Прежде всего, то положеніе французской программы, что свобода производителя предполагаетъ обладаніе средствами производства, пришлось дополнить другимъ, непосредственно за нимъ слѣдующимъ: что обладаніе средствами производства возможно только въ двухъ формахъ: или въ формѣ единоличнаго владѣнія, — формѣ, которая никогда и нигдѣ не существовала для всѣхъ производителей въ ихъ совокупности, и которая съ каждымъ днемъ дѣлается все болѣе невозможной, благодаря промышленному прогрессу; — или же въ видѣ общественнаго владѣнія, — т. е. въ той формѣ, матеріальная и духовная начала которой устанавливаются самимъ развитіемъ капиталистическаго общества, — что, слѣдовательно, производители должны всѣми зависящими отъ нихъ средствами стремиться къ переходу средствъ производства въ общественную собственность.

Общественное владѣніе средствами производства выставлено здѣсь, такимъ образомъ, единственной главной цѣлью. И не только въ области промышленности, гдѣ почва уже подготовлена, но и повсюду, — слѣдовательно, также и въ земледѣліи. Единоличное владѣніе, по смыслу программы, нигдѣ и никогда не существовало для всей совокупности производителей: именно поэтому, а также потому, что промышленный прогрессъ и безъ того ведетъ къ его

уничтоженію, социализмъ нисколько не заинтересованъ въ его поддержкѣ, но очень заинтересованъ въ его устраненіи, — такъ какъ въ той мѣрѣ, въ какой оно существуетъ, оно дѣлаетъ невозможнымъ общественное владѣніе. Если ссылаться на программу, то надо ссылаться на всю программу въ ея цѣломъ, а она значительно измѣняетъ цитированное въ Нантѣ положеніе, обставляя заключающуюся въ немъ историческую истину такими оговорками, при которыхъ она только и можетъ теперь остаться истинной въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ. Единоличное владѣніе средствами производства уже совсѣмъ не даетъ теперь производителямъ истинной свободы. Ремесленники уже разорены въ городахъ, а въ такихъ большихъ центрахъ, какъ Лондонъ, даже совершенно исчезли и замѣнились крупной промышленностью, sweating system и жалкими кропателями, живущими банкротствами. Самостоятельный мелкій крестьянинъ и не обезпеченъ во владѣніи своимъ клочкомъ земли, и не свободенъ. Какъ самъ онъ, такъ и его домъ, его дворъ, его поле принадлежатъ ростовщику; его существованіе менѣе обезпечено, чѣмъ существованіе пролетарія, по крайней мѣрѣ, хоть изрѣдка знающаго спокойные дни, какихъ никогда не выпадаетъ на долю несчастнаго раба задолженности. Вычеркните 2102 статью свода гражданскихъ законовъ; обезпечьте крестьянину закономъ неподлежащій залогъ инвентаря полевыхъ орудій, рабочаго скота и т. п., — вы все таки не избавите его отъ безвыходнаго положенія, когда онъ „добровольно“ продаетъ ростовщику и свой скотъ, и самого себя съ душой и тѣломъ, чтобы только получить коротенькую отсрочку. Ваша попытка оградить собственность мелкаго крестьянина ограждаетъ не его свободу, а только особенную форму его рабства; она продолжаетъ то состояніе, въ которомъ онъ не можетъ ни жить, ни умереть; слѣдовательно, ссылка на первый параграфъ вашей программы здѣсь совершенно неумѣстна.

Мотивировка говоритъ, что въ современной Франціи одно изъ средствъ производства, а именно, земля, въ очень еще многихъ мѣстахъ находится въ единоличномъ владѣніи отдѣльныхъ производителей; задача же социализма состоитъ не въ томъ, чтобы отдѣлять собственность отъ труда, но, наоборотъ, въ томъ, чтобы соединить оба эти фактора всякаго производства въ однихъ и тѣхъ же рукахъ. Какъ уже было сказано, это послѣднее положеніе, взятое въ такой общей формѣ, ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть признано задачей социализма; его задача состоитъ только въ передачѣ средствъ производства производителямъ въ видѣ общественной собственности. Какъ только мы вынестимъ это изъ вида, то вышеупомянутое положеніе тотчасъ же приведетъ насъ къ той ошибочной мысли, что социализмъ будто бы призванъ превратить современную, мнимую собственность мелкаго крестьянина на его поле въ действительную, сдѣлать, слѣдовательно, мелкаго арендатора собственникомъ, обремененнаго долгами владѣльца свободнымъ отъ долговъ. Социализмъ, разумеется, заинтересованъ въ томъ, чтобы эта ложная видимость крестьянской собственности исчезла, — но не этимъ способомъ.

Во всякомъ случаѣ, мы теперь видимъ, что мотивировка программы прямо объявляетъ обязанностью социализма и даже его

настоятельной обязанностью „поддержать мелкую собственность самостоятельно работающих крестьян против налогов, ростовщиков и вновь возникших крупных помѣщиков“. Мотивировка вмѣняетъ этимъ въ обязанность социализму сдѣлать то, что въ предыдущемъ параграфѣ признано невозможнымъ. Она поручаетъ ему „поддержать“ мелкую собственность крестьянъ, несмотря на то, что сама же она говоритъ, что собственность эта „неминуемо обречена на гибель“. Что же иное суть эти налоги, ростовщики и возродившіеся помѣщики, какъ не простыя орудія, которыми капиталистическое производство совершаетъ эту неизбежную гибель? Какими средствами социализмъ долженъ оградить крестьянина отъ этой тройцы, мы увидимъ ниже.

Но требуется оградить собственность не только мелкаго крестьянина. „Цѣлесообразно также распространить это ограждение и на тѣхъ производителей, которые, подъ именемъ арендаторовъ или фермеровъ, обрабатываютъ чужую землю, и которые, въ томъ случаѣ, если они эксплуатируютъ наемныхъ рабочихъ, до нѣкоторой степени вынуждены къ этому эксплуатацией, тяготящейся надъ ними самими“. Здѣсь мы переходимъ уже на совершенно иную почву. Социализмъ специально направляется противъ эксплуатации наемнаго труда. А здѣсь объявляется настоятельной обязанностью социализма оградить французскихъ фермеровъ, „эксплуатирующихъ наемныхъ рабочихъ“ — такъ сказано буквально! — и это потому, что они до нѣкоторой степени къ этому вынуждены „эксплуатацией, тяготящейся надъ ними самими“!

Какъ легко и приятно катиться внизъ, когда попалъ на наклонную плоскость! А если крупный или средній нѣмецкій крестьянинъ придетъ къ французскимъ социалистамъ и попроситъ ихъ похлопотать у совѣта нѣмецкой партіи о томъ, чтобы нѣмецкая социалдемократія ограждала его въ его эксплуатациі батраковъ и батрачекъ, ссылаясь при этомъ, что „его самого эксплуатируютъ“ ростовщики, сборщики податей, торговцы хлѣбомъ и скотомъ, — что они отвѣтятъ ему на это? И кто поручится, что наши крупные аграріи не пошлютъ къ нимъ графа Каница (онъ, вѣдь, тоже внесъ подобное ихнему предложение о націонализациі хлѣбнаго ввоза), чтобы тоже попросить социалистическаго покровительства въ ихъ эксплуатациі сельскихъ рабочихъ, ссылаясь на то, что надъ ними самими тяготеетъ эксплуатация биржи и хлѣбные и денежные ростовщики?

Спѣшимъ сказать, что наши французскіе друзья разсуждаютъ далеко не такъ плохо, какъ это кажется. Вышесказанный параграфъ относится только къ совершенно исключительному случаю, а именно къ слѣдующему: на сѣверѣ Франціи, какъ и въ нашихъ свекловичныхъ районахъ, крестьянамъ сдается земля съ обязательствомъ разведенія свекловицы и на чрезвычайно тяжелыхъ условіяхъ; они должны продавать свою свекловицу на опредѣленный заводъ и притомъ по цѣнѣ, назначенной этимъ заводомъ, должны покупать опредѣленные сѣмена, вкладывать установленное количество опредѣленнаго удобрения, и при всемъ томъ ихъ еще безсовѣстно надуваютъ при приѣмѣ свеклы. Все это мы хорошо знаемъ и въ Германіи. Но если французскіе социалисты хотѣли взять подъ свое покровительство этотъ сортъ крестьянъ,

то нужно было это сказать прямо и опредѣленно. Въ томъ же видѣ, какой имѣетъ теперь этотъ параграфъ, — въ своей неограниченной общности, — онъ является прямымъ нарушеніемъ не только французской программы, но и основныхъ принциповъ социализма вообще, и составителямъ его нельзя будетъ жаловаться, если эта небрежная редакція будетъ истолкована самими различными сторонами въ нежелательномъ для нихъ смыслѣ.

Такое же недоразумѣніе могутъ вызвать и заключительныя слова мотивировки, по которымъ социалистическая рабочая партія имѣетъ своей задачей „объединить всѣ элементы сельскаго производства, и всѣ роды дѣятельности подъ различными наименованіями извлекающими пользу изъ національной почвы, для борьбы противъ общаго врага: феодальнаго землевладѣнія“. Я рѣшительно отрицаю, что социалистическая рабочая партія какой-бы то ни было страны имѣетъ своей задачей принимать въ свои пѣдра, кромѣ сельскихъ пролетаріевъ и мелкихъ крестьянъ, еще и среднее и крупное крестьянство или даже арендаторовъ крупныхъ имѣній, капиталистическихъ скотоводовъ и другихъ капиталистическихъ эксплуататоровъ національной почвы. Пусть феодальное землевладѣніе является общимъ для нихъ всѣхъ врагомъ! Мы можемъ въ нѣкоторыхъ вопросахъ идти съ ними вмѣстѣ, можемъ нѣкоторое время бороться рука объ руку съ ними за какую-нибудь опредѣленную цѣль. Въ нашу же партію мы можемъ, правда, принимать отдѣльныхъ лицъ изъ каждаго общественнаго класса, но ни въ коемъ случаѣ никакія капиталистическія, никакія связанныя общими интересами группы средней буржуазіи или средняго крестьянства. Но и здѣсь дѣло обстоитъ не такъ дурно, какъ кажется; обо всемъ этомъ составители, очевидно, просто не подумали. Къ сожалѣнію, ихъ охватила страсть къ обобщеніямъ, и пусть они не удивляются, если ихъ ловятъ на словѣ.

Послѣ мотивировки слѣдуютъ вновь составленные добавленія къ программѣ. Въ нихъ замѣтна та же поспѣшность формулировки.

Параграфъ, по которому общины должны пріобрѣтать сельскохозяйственные машины и сдавать ихъ по своей цѣнѣ крестьянамъ, видоизмѣняется въ томъ смыслѣ, что, во-первыхъ, общины получаютъ для этой цѣли субсидію отъ государства, а во вторыхъ, онѣ должны предоставлять машины въ распоряженіе мелкихъ крестьянъ бесплатно. Эта дальнѣйшая уступка отнюдь не принесетъ большой пользы мелкому крестьянину, поля котораго и самый способъ производства мало допускаютъ примѣненіе машинъ.

Дальше: замѣна всѣхъ существующихъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ однимъ прогрессивнымъ налогомъ на всѣ доходы, выше 3000 франковъ. Подобное требованіе уже много лѣтъ встрѣчается почти во всѣхъ социалдемократическихъ программахъ. Выставленіе его специально въ интересахъ мелкихъ крестьянъ является новостью и доказываетъ только, какъ мало понято его значеніе. Возьмемъ, напримѣръ, Англію. Тамъ государственный бюджетъ простирается до 90 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Отъ 13^{1/2} до 14 милліоновъ изъ нихъ доставляютъ налоги на доходы;

остальные же 76 миллионов получаются от обложения разных сдѣлокъ (почта, телеграфы, штемпель), въ огромномъ же большинствѣ отъ обложенія народнаго потребленія, путемъ постоянного урѣзыванія маленькими, незамѣтными, но собирающимися во многие миллионы суммами доходовъ всѣхъ гражданъ, преимущественно же наиболѣе бѣдныхъ. И въ современном обществѣ врядъ-ли возможно инымъ способомъ покрыть государственные расходы. Предположимъ, что всѣ эти 90 миллионовъ въ Англіи взимаются прямымъ прогрессивнымъ налогомъ на доходы въ 120 фунтовъ стерлинговъ = 1200 рублей и выше. Среднее годовое накопленіе, ежегодное увеличеніе національнаго богатства Англіи составляло, по Гиффену, въ 1865/1875 годахъ 240 миллионовъ фунтовъ стерлинговъ. Скажемъ, что оно теперь равняется 300 миллионамъ ежегодно; налоговое бремя въ 90 миллионовъ поглотило бы тогда почти треть всего дохода. Иначе говоря, ни одно правительство, кромѣ социалистическаго, не можетъ провести ничего подобнаго. Когда же у кормила правленія станутъ социалисты, они произведутъ такіа измѣненія, при которыхъ эта податная реформа явится временной, совершенно незначительной уплатой въ счетъ долга, а мелкимъ крестьянамъ откроются совершенно инныя перспективы.

Составители какъ будто и сами догадываются, что крестьянамъ долго придется ждать податной реформы, и поэтому они предлагаютъ имъ „пока“: „Уничтоженіе земельного налога для всѣхъ самостоятельно работающихъ крестьянъ и уменьшеніе этого налога для всѣхъ zaloженныхъ имѣній“. Вторая половина этого требованія можетъ относиться только къ болѣе крупнымъ крестьянскимъ участкамъ, которые не могутъ обрабатываться силами одной семьи; слѣдовательно, оно тоже благоприятно тѣмъ крестьянамъ, которые эксплуатируютъ наемныхъ рабочихъ.

Дальше: „Свобода охоты и рыбной ловли, безъ всякихъ другихъ ограниченій, кромѣ одного только условія бережнаго отношенія къ дичи, рыбѣ и хлѣбу на корню“. Это кажется очень популярнымъ, но вторая часть параграфа уничтожаетъ первую. Сколько зайцевъ, куропатокъ, щукъ и сазановъ приходится уже теперь во всей деревнѣ на каждую крестьянскую семью? Составить ли это многимъ больше одного дня охоты и рыбной ловли въ годъ для каждого крестьянина?

„Пониженіе законнаго и обычнаго процента“, — стало быть, новые законы противъ ростовщичества, новая попытка провести полицейскую мѣру, которая въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ всегда и повсюду терпѣла крушеніе. Если мелкій крестьянинъ придетъ въ такое положеніе, когда для него станетъ меньшимъ зломъ обращеніе къ ростовщику, то ростовщикъ всегда найдетъ средство сосать изъ него кровь, не попадая подъ судъ. Это мѣропріятіе могло бы въ лучшемъ случаѣ послужить къ успокоенію мелкаго крестьянина, пользы же оно ему не принесетъ; наоборотъ, оно затруднитъ ему кредитъ именно тогда, когда онъ въ немъ будетъ болѣе всего нуждаться. „Безплатная врачебная помощь и доставка лѣкарствъ по своей цѣлѣ“, — это уже во всякомъ случаѣ не спеціально крестьянское требованіе; нѣмецкая программа идетъ дальше и требуетъ также и безплатныхъ лѣкарствъ. „Вознагражденіе семействъ запасныхъ солдатъ въ продолженіе отпав-

ленія этими послѣдними срока службы“, — уже существуетъ, хотя и въ крайне неудовлетворительной формѣ, въ Германіи и Австріи и тоже не является спеціально крестьянскимъ требованіемъ. „Пониженіе перевознаго тарифа для удобренія, сельскохозяйственныхъ машинъ и продуктовъ“, — въ главныхъ чертахъ уже проведено въ Германіи, хотя, главнымъ образомъ, въ интересахъ крупныхъ землевладѣльцевъ.

„Немедленные подготовительныя работы для составленія плана общественныхъ работъ, улучшенія почвы и подъема сельскохозяйственной промышленности“, — этотъ пунктъ оставляетъ все въ широкой области неопредѣленности и прекрасныхъ обещаній и также прежде всего отвѣчаетъ интересамъ крупнаго землевладѣнія.

Однимъ словомъ, послѣ широкообшательной теоретической мотивировки, практическія предложенія новой аграрной программы въ сущности нисколько не объясняютъ намъ, какимъ образомъ французской рабочей партіи удастся поддержать мелкую собственность мелкаго крестьянина, которая, по ея же собственнымъ словамъ, неминуемо обречена на гибель.

II.

Въ одномъ отношеніи наши французскіе товарищи безусловно правы: противъ воли мелкаго крестьянина во Франціи невозможно никакой прочный политическій переворотъ. Только мнѣ кажется, что для того, чтобы подойти къ крестьянину, они неправильно взялись за дѣло.

Повидимому, они стремятся сразу, — если возможно, то уже во время ближайшихъ же общихъ выборовъ, — перетянуть на свою сторону мелкаго крестьянина. Они могутъ надѣяться достигнуть этого только посредствомъ очень смѣлыхъ и широкихъ обещаній, для защиты которыхъ они вынуждены будутъ пустить въ ходъ еще гораздо болѣе отважныя теоретическія соображенія. Если же взглянуть поближе, то окажется, что широкія обещанія противрѣчатъ сами себѣ (обещаніе поддержать такое состояніе, которое тутъ же объявляется неминуемо обреченнымъ на гибель), и что отдѣльныя мѣропріятія или совершенно не могутъ имѣть практическаго дѣйствія (законы о ростовщичествѣ), или являются общими требованіями рабочихъ, или же такими, которыя благоприятны и крупному землевладѣнію, или, наконецъ, такими, значеніе которыхъ для мелкаго крестьянина очень невелико, — такъ что чисто практическая часть программы сама исправляетъ ошибочное вступленіе и приводитъ громкія, страшныя на видъ слова къ самымъ невиннымъ въ дѣйствительности мѣропріятіямъ.

Скажемъ прямо: при тѣхъ предразсудкахъ, которые создаются всѣмъ экономическимъ положеніемъ крестьянина, его воспитаніемъ, его изолированнымъ образомъ жизни, и которые поддерживаются буржуазной прессой и крупными землевладѣльцами, мы можемъ только въ томъ случаѣ сразу перетянуть на свою сторону массу мелкихъ крестьянъ, если мы имъ пообѣщаемъ нѣчто такое,

чего мы завѣдомо не въ состояніи сдержать. А именно, мы должны имъ обѣщать не только охранять при всякихъ обстоятельствахъ ихъ имущество противъ наступающихъ на нихъ экономическихъ силъ, но также и освободить ихъ отъ тяготящаго уже теперь надъ ними бремени: превратить арендатора въ свободного собственника, а собственнику, изнемогающему подъ тяжестью закладныхъ, заплатить долги. Если бы мы были въ состояніи сдѣлать это, то мы опять пришли бы туда, откуда снова необходимо развилось бы современное положеніе. Мы не освободили бы крестьянина, мы только отсрочили бы на короткое время его гибель.

Но не въ нашихъ интересахъ немедленное привлеченіе крестьянина, который завтра же отвернулся бы отъ насъ, если бы мы оказались не въ состояніи сдержать свои обѣщанія. Крестьянина, который ждетъ отъ насъ, чтобы мы увѣковѣчили ему его крошечную собственность, мы не можемъ считать своимъ партійнымъ товарищемъ точно также, какъ и мелкаго ремесленника, который хочетъ навсегда остаться мастеромъ. Эти люди принадлежатъ антисемитамъ; пусть они идутъ къ нимъ за обѣщаніемъ спасти ихъ мелкое производство. Когда же они тамъ узнаютъ, что крошечка подъ ихъ блестящими фразами и какія мелодіи наигрываютъ тѣ трубы, звуками которыхъ оглашаются антисемитскія небеса, тогда они все болѣе и болѣе будутъ убѣждаться, что мы, — обѣщающіе меньше и ищущіе спасенія совѣмъ въ другой сторонѣ, — что мы все-таки болѣе надежные люди. Если бы французамъ пришлось, какъ намъ, столкнуться съ шумной антисемитской демагогией, то, вѣроятно, они не сдѣлали бы нантской ошибки.

Каково же наше отношеніе къ мелкому крестьянству? И какъ должны мы поступить съ нимъ въ тотъ день, когда къ намъ перейдетъ государственная власть?

Во-первыхъ, безусловно правильно слѣдующее положеніе французской программы: мы заранее предвидимъ неизбежную гибель мелкаго крестьянина, но ни въ какомъ случаѣ не призваны ускорять ее какимъ-нибудь вмѣшательствомъ съ нашей стороны. А во-вторыхъ, точно также очевидно, что, обладая государственной властью, мы не будемъ думать о томъ, чтобы насильно экспроприровать мелкихъ крестьянъ (съ вознагражденіемъ или нѣтъ, — это безразлично), какъ это мы вынуждены будемъ сдѣлать съ крупными землевладѣльцами. Наша задача по отношенію къ мелкимъ крестьянамъ состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы ихъ частное производство и частную собственность перевести въ товарищескую, но не насильно, а посредствомъ примѣра и предложенія общественной помощи для этой цѣли. И тогда у насъ, разумеется, будетъ достаточно средствъ, чтобы представить крестьянину всѣ преимущества такого перехода, преимущества, которые и теперь уже должны быть ему разъяснены.

Уже почти 20 лѣтъ тому назадъ датскіе социалисты, въ отечествѣ которыхъ имѣется, собственно, одинъ только городъ — Копенгагенъ, и которымъ, слѣдовательно, вѣдь его пришлось имѣть дѣло почти съ одной только крестьянской пропагандой, выработали подобные же планы. Крестьяне одной деревни или одного прихода, — въ Даніи много отдѣльных, большихъ кре-

стьянскихъ дворовъ, — должны соединить всю свою землю въ одно большое имѣніе, обрабатывая его за общій счетъ, и потомъ дѣлить прибыль пропорціонально вложеннымъ кускамъ земли, денежнымъ вкладамъ и количеству работы. Въ Даніи мелкое землевладѣніе играетъ второстепенную роль. Но если мы перенесемъ эту же идею въ страну мелкихъ участковъ, то окажется, что при соединеніи мелкихъ клочковъ земли и общей обработки всей ихъ поверхности, часть занятыхъ до сихъ поръ рабочими силъ будетъ излишней; въ этомъ-то сбереженіи труда и состоятъ главные преимущества крупнаго производства. Для этихъ рабочихъ силъ можно найти занятіе двумя путями. Или предоставить крестьянскому товариществу въ распоряженіе обширныя пространства земли изъ сосѣднихъ крупныхъ имѣній; или же дать имъ средства и возможность подсобной промышленной работы, по возможности и преимущественно для своего собственного употребленія. Въ обоихъ случаяхъ они будутъ поставлены въ лучшее экономическое положеніе, и въ то же время органъ, завѣдующій дѣлами всего общества въ его цѣломъ, будетъ имѣть на нихъ вліяніе, необходимое для того, чтобы постепенно перевести крестьянское товарищество въ высшую форму и сравнять въ правахъ и обязанностяхъ, какъ все товарищество во всемъ его цѣломъ, такъ и отдѣльных его членовъ съ остальными развитіями социалистическаго общества. Выполненіе этого въ частностяхъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ будетъ зависѣть отъ данныхъ обстоятельствъ и отъ тѣхъ условий, при которыхъ мы вступимъ въ обладаніе общественной властью. Такъ, возможно, что мы будемъ въ состояніи предложить товариществамъ еще большія преимущества: принятіе на себя національнымъ банкомъ всего ихъ ипотечнаго долга съ сильнымъ пониженіемъ процента, пособие изъ общественныхъ средствъ для устройства крупнаго производства (пособіе не непременно или преимущественно деньгами, но также и необходимыми продуктами: машинами, искусственнымъ удобреніемъ и т. п.), и разныя другія выгоды.

Главное дѣло тутъ въ томъ, чтобы выяснить крестьянину, что спасти или удержать его усадьбу и земельную собственность мы можемъ только, превративъ ихъ въ товарищескую собственность и товарищеское производство. Именно единоличное хозяйство и товарищеское производство, и ведетъ крестьянина къ гибели. Если онъ будетъ настаивать на своемъ единоличномъ хозяйствѣ, то неминуемо потеряетъ и землю, и дворъ, такъ какъ крупное капиталистическое хозяйство вытѣснитъ его устарѣвшій способъ производства. Такъ обстоитъ теперь дѣло; и вотъ являемся мы и даемъ крестьянамъ возможность ввести самими крупное производство не за капиталистическій, а за свой собственный общій счетъ. Неужели нельзя дать понять крестьянамъ, что это въ ихъ собственныхъ интересахъ, что это ихъ единственное средство спасенія?

Мы никогда не можемъ обѣщать мелкимъ крестьянамъ подержать ихъ единоличное хозяйство и единоличную собственность противъ превосходныхъ силъ капиталистическаго производства. Мы можемъ обѣщать имъ только, что не будемъ противъ ихъ воли, силой вмѣшиваться въ ихъ хозяйственныя отношенія. Да-

лѣ мы можемъ также вступить и въ то, чтобы борьба капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ противъ мелкаго крестьянства уже и теперь велась какъ можно менѣе несправедливыми средствами, и возможно больше мѣшать прямому грабежу и мошенничеству, которые случаются слишкомъ часто. Но удаваться это будетъ только въ исключительныхъ случаяхъ. При развитіи капиталистическомъ способѣ производства никто не знаетъ, гдѣ кончается честное веденіе дѣла и гдѣ начинается мошенничество. Но во всякомъ случаѣ будетъ значительная разница, станетъ ли общественная власть на сторону мошенника, или на сторону лицъ страдающихъ отъ мошенничества. А мы рѣшительно становимся на сторону мелкаго крестьянина; мы будемъ дѣлать все возможное, чтобы ему было спосѣе жить, чтобы облегчить ему переходъ къ товариществу въ случаѣ, если онъ на это рѣшится; въ томъ же случаѣ, если онъ еще будетъ не въ состояніи принять это рѣшеніе, мы постараемся предоставить ему возможно больше времени подумать объ этомъ на своемъ клочкѣ. Мы будемъ поступать такъ не только потому, что считаемъ возможнымъ переходъ на нашу сторону самостоятельно работающаго мелкаго крестьянина, но также и изъ непосредственныхъ партійныхъ интересовъ. Чѣмъ больше будетъ число крестьянъ, которымъ мы не дадимъ спуститься до пролетаріевъ, и которыхъ мы привлечемъ на свою сторону еще крестьянами, тѣмъ быстрее и легче совершится общественное преобразование. Намъ было бы совершенно бесполезно ожидать съ этимъ преобразованиемъ того времени, когда капиталистическое производство повсюду разовьется до своихъ крайнихъ послѣдствій, когда послѣдній мелкій ремесленникъ и послѣдній мелкій крестьянинъ падутъ жертвами крупнаго производства. Матеріальныя жертвы, которыя придется принести въ этомъ смыслѣ въ интересахъ крестьянъ изъ общественныхъ средствъ, съ точки зрѣнія капиталистической экономики могутъ показаться выброшенными деньгами, а между тѣмъ это — прекрасное употребленіе капитала, потому что они сэкономятъ, можетъ быть, въ десять разъ большія суммы при расходахъ на общественное преобразование въ его цѣломъ. Въ этомъ смыслѣ мы можемъ, слѣдовательно, быть очень щедрыми по отношенію къ крестьянамъ. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности и дѣлать опредѣленные предложенія въ его направленіи; мы можемъ говорить здѣсь только въ самыхъ общихъ, основныхъ чертахъ.

Итакъ, мы не можемъ, значить, оказать болѣе плохую услугу не только партіи, но и самому мелкому крестьянину, обещая ему и вызывая у него хотя бы лучшія надежды, что мы будемъ стремиться надолго сохранить его мелкую собственность. Это значило бы прямо закрыть крестьянину путь къ его освобожденію и унизить партію до уровня антисемитизма. Наоборотъ. Наша партія обязана все болѣе и болѣе выяснять крестьянамъ, что ихъ положеніе совершенно безнадежно, пока господствуетъ капитализмъ, и что спасти ихъ мелкую собственность, какъ таковую, совершенно невозможно; она обязана внушить имъ полную увѣренность въ томъ, что капиталистическое крупное производство раздавитъ ихъ устарѣвшее мелкое хозяйство съ такой же легкостью, съ какой побѣздъ желѣзной дороги раздавилъ бы ихъ тачку. Поступая такъ, мы бу-

демъ дѣйствовать въ смыслѣ неизбежнаго экономическаго развитія, которое само собою уже подготовитъ крестьянскія головы для нашей проповѣди.

Впрочемъ, я не могу оставить этотъ вопросъ, не высказавъ того глубокаго убѣжденія, что и составители нантской программы въ существенномъ придерживаются однихъ со мною взглядовъ. Они слишкомъ проникательны, чтобы не понимать, что и раздѣленная теперь на маленькіе, отдѣльные клочки земля должна перейти въ общее пользованіе. Они сами соглашались, что мелкая собственность осуждена на исчезновеніе. Составленный Лафаргомъ докладъ Національнаго Совѣта на нантскій конгрессъ тоже вполне подтверждаетъ этотъ взглядъ. По нѣмцамъ онъ опубликованъ въ берлинскомъ „Соціалдемократѣ“ 18 октября этого года. Уже самая противорѣчивость выраженій нантской программы показываетъ, что составители ея говорятъ, на самомъ дѣлѣ, не то, что они хотятъ сказать. Конечно, если ихъ не поймаютъ и станутъ злоупотреблять ихъ заявленіями, — какъ это въ дѣйствительности уже и случилось, — то въ этомъ, разумѣется, ихъ собственная вина. Во всякомъ случаѣ, имъ нужно подробнѣе разъяснить свою программу, и слѣдующему французскому конгрессу придется основательно ее пересмотрѣть.

Перейдемъ теперь къ болѣе крупнымъ крестьянамъ. Здѣсь мы видимъ, главнымъ образомъ, благодаря наслѣдственнымъ раздѣламъ, но также и вслѣдствіе задолженности и аукціонной продажи земли, цѣлый рядъ переходныхъ ступеней отъ самаго мелкаго собственника до крупнаго крестьянина, сохранившаго весь свой старый участокъ и имѣющаго даже сверхъ того. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ средній крестьянинъ живетъ среди мелкихъ, онъ не отличается отъ нихъ существенно своими интересами и своими воззрѣніями; его собственный опытъ долженъ ему сказать, сколько равныхъ ему крестьянъ спустилось до мелкихъ. Тамъ же, гдѣ преобладаютъ средніе и крупные крестьяне, и веденіе хозяйства требуетъ, вообще говоря, помощи батраковъ и батрачекъ, дѣло обстоитъ совершенно иначе. Рабочая партія, разумѣется, прежде всего должна имѣть въ виду интересы наемныхъ рабочихъ, т. е. батраковъ, батрачекъ и цоденщиковъ; уже поэтому ей невозможно дѣлать крестьянамъ какія-либо обещанія, которыя включаютъ продолженіе наемнаго рабства для рабочихъ. Но пока будутъ существовать крупные и средніе крестьяне, какъ таковыя, они будутъ не въ состояніи обойтись безъ наемныхъ рабочихъ. И если съ нашей стороны было бы просто нелѣпо давать мелкимъ крестьянамъ надежду на продолженіе ихъ существованія, какъ таковыхъ, то обещать это крупнымъ и среднимъ крестьянамъ граничило бы прямо съ измѣной.

Мы можемъ провести здѣсь опять параллель съ городскими ремесленниками. Хотя они и еще болѣе подверглись раззоренію, чѣмъ крестьяне, но все таки между ними найдутся такіе, у которыхъ, наряду съ учениками, работаютъ и подмастерья, или у которыхъ ученики дѣлаютъ работу подмастерьевъ. Тѣ изъ этихъ ремесленниковъ, которые хотятъ навсегда остаться таковыми, пусть идутъ къ антисемитамъ, пока не убѣдятся, что и тамъ имъ не помогутъ. Остальные же, которые видятъ неизбежную гибель своего

способа производства, пусть идутъ къ намъ, но пусть они будутъ также готовы разделить въ будущемъ судьбу, предстоящую и всѣмъ остальнымъ рабочимъ. Также и съ крупными и средними крестьянами. Ихъ батраки, батрачки и поденщики интересуютъ насъ, разумеется, гораздо больше, чѣмъ они. Если эти крестьяне хотятъ, чтобы мы гарантировали имъ продолженіе ихъ хозяйства, то мы безусловно не можемъ имъ это предложить. Въ этомъ случаѣ ихъ мѣсто — въ средѣ антисемитовъ и другихъ подобныхъ партій, которая съ удовольствіемъ общается все, чтобы не исполнять ничего. Мы имѣемъ твердое экономическое убѣжденіе въ томъ, что и крупный, и средній крестьянинъ долженъ неминуемо погибнуть отъ конкуренціи капиталистическаго хозяйства и дешаваго заокеанскаго производства зерна, — какъ на это указываетъ все возрастающая задолженность и повсемѣстно очевидный упадокъ также и этихъ крестьянъ. Противъ этого упадка мы ничего не можемъ сдѣлать, кромѣ развѣ того, чтобы рекомендовать и здѣсь соединеніе хозяйствъ въ товарищества, въ средѣ которыхъ эксплуатация наемнаго труда могла бы все болѣе и болѣе уменьшаться, и которая могла бы постепенно стать вѣтвями великаго національнаго производительнаго товарищества съ равными правами и обязанностями. Если эти крестьяне поймутъ неизбежность гибели ихъ теперешняго способа производства и сдѣлаютъ изъ этого необходимые выводы, то пусть они идутъ къ намъ, и нашей обязанностью будетъ посильно облегчить также и имъ переходъ въ новую форму производства. Въ противномъ случаѣ мы должны ихъ предоставить ихъ собственной судьбѣ и обратиться къ ихъ наемнымъ рабочимъ, у которыхъ мы уже найдемъ сочувствіе. Отъ насильственной экспроприаціи мы, по всей вѣроятности, удержимся и здѣсь, но, впрочемъ, будемъ надѣяться на то, что экономическое развитіе сдѣлаетъ болѣе доступными благоразумію и эти крѣпкія головы.

Совершенно просто обстоитъ дѣло только съ крупнымъ землевладѣніемъ. Здѣсь передъ нами ничѣмъ не прикрытое капиталистическое производство, и въ этомъ случаѣ у насъ уже не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Здѣсь мы встрѣчаемъ массовой сельскій пролетаріатъ, и задача наша ясна. Какъ только наша партія овладѣетъ государственной властью, она просто экспроприруетъ крупнаго землевладѣльца также, какъ и промышленнаго фабриканта. Произойдетъ ли эта экспроприація съ вознагражденіемъ или безъ него, это, въ большинствѣ случаевъ, будетъ зависѣть не отъ насъ, но отъ обстоятельствъ, при которыхъ мы овладѣемъ властью, а также и отъ поведенія самихъ господъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Мы отнюдь не считаемъ недопустимымъ выкупъ. Марксъ высказывалъ мнѣ не разъ свое мнѣніе, что дѣло обошлось бы всего дешевле, еслибы мы могли откупиться ото всей этой банды. Однако, это насъ здѣсь не касается. Возвращеннымъ такимъ образомъ обществу крупныя имѣнія мы предоставляемъ обрабатывающимъ ихъ въ настоящее время и организующимся въ товарищества сельскимъ рабочимъ въ пользованіе подъ контролемъ общества, — на какихъ условіяхъ, это теперь нельзя еще сказать определенно. Во всякомъ случаѣ, превращеніе капиталистическаго производства въ общественное здѣсь уже вполне подго-

товлено и можетъ произойти въ одинъ день, совершенно такъ же, какъ на заводѣ господина Крупна или на заводѣ господина фонъ-Штумма. И примѣръ этихъ земледѣльческихъ товариществъ убѣдитъ и послѣднихъ, еще сопротивляющихся мелкихъ крестьянъ, а, вѣроятно, и нѣкоторыхъ крупныхъ въ преимуществахъ товарищескаго крупнаго производства.

Здѣсь, слѣдовательно, мы можемъ открыть сельскимъ пролетаріямъ такіе же блестящіе перспективы, которыя сияютъ и передъ глазами промышленныхъ рабочихъ. Поэтому привлеченіе на нашу сторону сельскихъ рабочихъ восточной Пруссіи есть для насъ только вопросъ времени и даже очень короткаго. Если же сельскіе рабочіе восточной Германіи будутъ съ нами, то по всей нашей странѣ тотчасъ же станетъ другой вѣтеръ. Фактически полукрѣпостное состояніе восточныхъ сельскихъ рабочихъ есть главное основаніе господства прусскихъ юнкеровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и специфическаго прусскаго господства въ Германіи. Именно юнкера восточной Пруссіи, — все болѣе и болѣе впадающіе въ задолженность, обдирающіе и паразитирующіе на государственный и на частный счетъ, и вслѣдствіе всего этого тѣмъ сильнѣе цѣпляющіеся за свое господство, — создали и поддерживаютъ специфически прусскій характеръ бюрократіи и офицерства въ арміи; ихъ высокомеріе, ограниченность и заносчивость сдѣлали прусское государство, — при всей очевидности нынѣшней его неизбежности, какъ единственной, достижимой теперь формы національнаго единства, — такимъ ненавистнымъ въ нѣмецкомъ отечествѣ и, несмотря на всѣ свои блестящія побѣды, такъ мало уважаемымъ за-границей. Сила этихъ юнкеровъ основывается на томъ, что въ сплошной области семи старо-прусскихъ провинцій, — т. е., почти въ цѣлой трети всего государства, — они имѣютъ въ своемъ распоряженіи земельную собственность, влекущую здѣсь за собой общественную и политическую власть, и даже не одну только земельную собственность, но, посредствомъ свеклосахарныхъ и винокуренныхъ заводовъ, также и всю крупную промышленность въ этой области. Ни крупные землевладѣльцы, ни крупные промышленники остальной Германіи не поставлены въ такое благоприятное положеніе; ни тѣ, ни другіе не имѣютъ въ своемъ распоряженіи цѣлаго королевства. Они разсѣяны на обширномъ пространствѣ и конкурируютъ, какъ между собой, такъ и съ остальными окружающими ихъ общественными элементами за экономическую и политическую власть. Но это привилегированное положеніе прусскихъ юнкеровъ все болѣе и болѣе теряетъ свое экономическое основаніе. Задолженность и обдѣненіе, несмотря на всю государственную поддержку (а со времени Фридриха II она входитъ въ каждый нормальный юнкерскій бюджетъ), неудержимо распространяются здѣсь; только освященное законодательствомъ и обычаемъ фактическое полукрѣпостничество и возможная, благодаря этому, безграничная эксплуатация сельскихъ рабочихъ держитъ еще надъ водами утопающее юнкерство. Бросьте съмя соціалдемократіи среди этихъ рабочихъ, дайте имъ мужество и стойкость защищать свои права, и государству юнкеровъ придетъ конецъ. Крупная реакціонная сила, которая представляется для Германіи такой же варварскій, завоевательный элементъ,

как и русскій царизмъ для всей Европы, сожмется, как проколотый пузырь. „Отборные полки“ прусской арміи сдѣлаются социалдемократическими, и вмѣстѣ съ тѣмъ произойдетъ передвиженіе власти, заключающее въ своихъ вѣдрахъ цѣлый переворотъ. По поэтому-то привлеченіе на нашу сторону сельскихъ пролетаріевъ восточной Пруссіи гораздо болѣе важно, чѣмъ присоединеніе къ намъ западно-германскихъ мелкихъ крестьянъ или даже южно-германскихъ среднихъ крестьянъ. Здѣсь, въ восточной Пруссіи, лежитъ поле нашей рѣшительной битвы, и поэтому правительство и юнкерство примутъ всѣ мѣры, чтобы преградить намъ туда доступъ. И если, — какъ намъ угрожаютъ, — дѣло дойдетъ до насильственныхъ мѣропріятій съ цѣлью помѣшать расширенію нашей партіи, то это случится прежде всего для того, чтобы огрادی сельскій пролетаріатъ восточной Пруссіи отъ нашей пропаганды. Намъ это все равно. Мы все таки его завоюемъ.

Приложеніе.

(Изъ предисловія къ книгѣ: „Der deutsche Bauernkrieg“).

Мелкіе крестьяне, — крупные, разумеется, принадлежать къ буржуазіи, — дѣлятся на нѣсколько разрядовъ. Одни изъ нихъ — помѣщичьи крестьяне, которые еще отправляютъ барщину своему господину. Послѣ того, какъ буржуазія не исполнила своей обязанности по отношенію къ нимъ и не освободила ихъ отъ крѣпостной зависимости, ихъ не трудно будетъ убѣдить въ томъ, что они могутъ ждать своего освобожденія только отъ рабочаго класса. Другіе — арендаторы. Въ этомъ случаѣ существуютъ большей частью почти такіе же отношенія, какъ и въ Ирландіи. Арендная плата такъ высока, что крестьянинъ еще можетъ существовать съ семьей при среднихъ урожаяхъ; въ неурожайные же годы онъ чуть не умираетъ съ голоду, не можетъ выплачивать аренду и, благодаря этому, попадаетъ въ полную зависимость отъ землевладѣльца. Для этихъ крестьянъ буржуазія только тогда что-нибудь сдѣлаетъ, когда ее къ тому принудятъ. Отъ кого же ждать имъ спасенія, если не отъ рабочихъ?

Остаются, наконецъ, такіе крестьяне, которые ведутъ хозяйство на своемъ собственномъ маленькомъ клочкѣ земли. Эти, по большей части, такъ обременены ипотечными долгами, что они въ той же мѣрѣ зависятъ отъ ростовщиковъ, какъ и арендаторы отъ землевладѣльцевъ. И имъ также остается за трудъ только очень скудная и, кромѣ того, благодаря неодинаковости урожая, въ высшей степени непостоянная заработная плата. Они меньше всего могутъ ждать чего-либо отъ буржуазіи, такъ какъ именно буржуазія, ростовнический капиталъ, и эксплуатируетъ ихъ. Однако, они, большей частью, очень крѣпко цѣпятъ за свою собственность, хотя въ дѣйствительности она принадлежитъ уже не имъ, а ростовщикамъ. Но имъ все-таки нужно выяснитъ, что они только тогда могутъ быть освобождены отъ ростовщиковъ, когда зависимое отъ народа правительство обратитъ всѣ ипотечные долги въ одинъ долгъ государству и тѣмъ понизитъ размѣръ процента. А этого можетъ добиться только рабочій классъ.

Всюду, гдѣ царитъ среднее и крупное землевладѣніе, сельскіе поденщики составляютъ самый многочисленный классъ въ деревняхъ. Такъ обстоитъ дѣло во всей сѣверной и восточной Германіи, и здѣсь-то промышленные городскіе рабочие и встрѣчаютъ самыхъ многочисленныхъ и самыхъ естественныхъ своихъ союзниковъ. Землевладѣлецъ или крупный арендаторъ стоитъ совершенно въ тѣхъ же самыхъ отношеніяхъ къ сельскому батраку, какъ капиталистъ къ промышленному рабочему. Тѣ же самыя мѣропріятія, которые помогаютъ одному, должны помочь и дру-

гому. Промышленные рабочіе могутъ только тогда освободить себя, когда они обратятъ капиталъ буржуазіи, — то есть, сырой матеріалъ, машины, орудія и всѣ запасы, необходимые для производства, — въ общественную, т. е. въ свою собственность, которой они будутъ пользоваться сообща. Точно также и сельскіе рабочіе только тогда могутъ избавиться отъ своей ужасной нищеты, когда ихъ главное орудіе труда, т. е. сама земля, будетъ изъято изъ частной собственности крупныхъ крестьянъ или еще болѣе крупныхъ помѣщиковъ, перейдетъ въ общественную собственность, и будетъ обрабатываться товариществами сельскихъ рабочихъ въ ихъ общую пользу. Здѣсь мы подходимъ къ знаменитому рѣшенію Базельскаго международнаго рабочаго конгресса: что обществу выгодно обратить землевладѣніе въ общую національную собственность. Это рѣшеніе было составлено, главнымъ образомъ, для тѣхъ странъ, гдѣ существуетъ крупное землевладѣніе, а въ связи съ нимъ и крупныя хозяйства въ большихъ имѣніяхъ, а въ этихъ большихъ имѣніяхъ — одинъ хозяинъ и множество рабочихъ. Такое положеніе, въ общемъ, все еще преобладаетъ въ Германіи, и поэтому рѣшеніе конгресса, послѣ Англіи, въ высшей степени своевременно именно для Германіи. Земледѣльческій пролетаріатъ, сельскіе батраки, это — какъ разъ тотъ классъ, изъ котораго набирается главная масса армій различныхъ государей. Это — какъ разъ тотъ классъ, который, въ силу всеобщаго избирательнаго права, посылаетъ теперь въ парламентъ множество помѣщиковъ и юнкеровъ, но это также и тотъ классъ, который ближе всего стоитъ къ городскимъ рабочимъ, который дѣлитъ съ ними одни и тѣ же условія жизни и который даже еще больше заданъ нищетою. Оживить этотъ классъ, безсильный теперь, благодаря своей разсѣянности и разрозненности, но скрытая сила котораго такъ хорошо извѣстна правительству и дворянству, что они намѣренно ухудшаютъ народную школу только затѣмъ, чтобы онъ оставался невѣжественнымъ, — вовлечь этотъ классъ въ движеніе есть ближайшая и самая настоятельная задача нѣмецкаго рабочаго движенія. Съ того дня, какъ масса сельскихъ рабочихъ научится понимать свои собственные интересы, съ того дня въ Германіи станетъ невозможнымъ реакціонное, феодальное, бюрократическое или буржуазное правительство.

Въ складѣ экспедиціи Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партіи имѣются слѣдующія изданія:

- Чего хотятъ социальдемократы? Цѣна 40 с.
Ф. Энгельсъ. Развитіе научнаго социализма (3-ье изданіе),
съ предисловіемъ Г. Плеханова. Цѣна 1 фр. 50 с.
Г. Плехановъ. Русскій рабочий въ революціонномъ движеніи
(2-ое изд.). Цѣна 1 фр. 50 с.
Ф. Лассаль. Программа работниковъ. Цѣна 50 с.
Н. Ленинъ. Задачи русскихъ социальдемократовъ, съ предис-
ловіемъ П. Аксельрода. Цѣна 50 с.
Самодержавіе и стачки. Записка Витте, съ прил. ст. Мартова.
Цѣна 1 фр.
Тунъ. Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи, съ предис-
Г. Плеханова и стат. Г. Плеханова, П. Лаврова, Д. Коль-
цова и Я. Стефановича. Цѣна 3 фр. 50 с.
К. Каутскій. Эрфуртская программа. Цѣна на толстой бу-
магѣ 3 фр. — на тонкой — 2 фр.
Г. Плехановъ. Некрасовъ (къ 25-лѣтію его смерти). Ц. 35 с.
ЗАРЯ № 2-3. Цѣна 7 фр. 50 с. № 4 — 5 фр.
Н. Ленинъ. Къ деревенской бѣднотѣ (опытъ популяризаціи
аграрной программы русской социалдемократіи). Ц. 80 с.
К. Каутскій. Соціальная революція. Цѣна 1 фр. 50 с.
Л. Мартовъ. Рабочее дѣло въ Россіи (2-ое переработ. изда-
ніе). Цѣна 80 с.
К. Марксъ. Революція и контръ-рев. въ Германіи. Ц. 1 фр. 50 с.
Правдинъ. Революціонные дни въ Кіевѣ. Ц. 40 с.
Классовая борьба въ Кримичау. Цѣна 40 с.
Либералы и социалисты. Цѣна 40 с.
Августъ Бебель. Социалистическое общество. Цѣна 1 фр.
Карлъ Марксъ. Классовая борьба во Франціи отъ 1848 до
1850 г. Цѣна 1 фр. 50 с.
Второй очередной съѣздъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи. Полный
текстъ протоколовъ Цѣна 5 фр.
Н. Ленинъ. Письмо въ редакцію „Искры“ (почему я вы-
шелъ изъ редакціи „Искры“). Цѣна 15 с.
Н. Ленинъ. Письмо къ товарищу. (О нашихъ организаціон-
ныхъ задачахъ). Цѣна 40 с.
Павловичъ. Письмо къ товарищамъ о второмъ съѣздѣ Росс.
Соц.-Дем. Раб. Партіи Цѣна 40 с.
М. Панинъ. Кустарничество и партійная организація. Ц. 40 с.
Л. Мартовъ. Борьба съ „осаднымъ положеніемъ“ въ Россій-
ской Социальдемократич. Рабочей Партіи. Ц. 1 фр. 25 с.
Коментарій къ протоколамъ второго съѣзда Заграничной Лиги
Русской Революціонной Социальдемократіи. Ц. 40 с.

Со всѣми требованіями просятъ обращаться по
адресу экспедиціи Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи:

V. Oulianoff, 3, rue de la Colline, Genève — Suisse.

Выписывающіе изъ экспедиціи за пере-
сылку не платятъ.